

ШКОЛА САМОПОЗНАНИЯ

ОЧИЩЕНИЕ

//

ДУША

Школа самопознания

Александр Шевцов

Очищение. Том 2. Душа

«Издательство Роща»

2018

Шевцов А. А.

Очищение. Том 2. Душа / А. А. Шевцов — «Издательство Роцца»,
2018 — (Школа самопознания)

ISBN 978-5-902599-53-1

«Человечество медленно забывает не только что такое душа, но и само это слово. Оно уходит из быта, и современный человек предпочитает говорить о вторых, третьих или астральных, ментальных и тому подобных телах, о космическом организме, лептонной сущности, полевых структурах... Означает ли это, что он говорит не о душе?» Исследование в книге ведется в ключе культурно-исторической психологии, а значит, автор рассматривает не просто представления философов, психологов, богословов, мистиков о душе, но то, как это легло в собственные его представления и представления возраставшей его, а значит, и нас, культуры. Поэтому книга сама – пример прикладного очищения.

ISBN 978-5-902599-53-1

© Шевцов А. А., 2018
© Издательство Роцца, 2018

Содержание

Мир души	7
Круг первый	8
Введение	9
Глава 1. Самый первый слой понятия о душе	10
Глава 2. Уточнения первого понятия	14
Глава 3. Карта пути	15
Глава 4. Стоит ли возиться со словарями?	19
Круг второй	22
Глава 1. Все врут календари	24
Глава 2. Общедоступная философия	27
Глава 3. Общедоступная теология и Научный атеизм	30
Глава 4. Религиоведение	34
Круг третий	38
Глава 1. Психология души. Шабельников	39
Глава 2. Психология без души	44
Глава 3. Начало бездушной психологии. Чернышевский	46
Глава 4. Кому и как резать душу? Сеченов	48
Глава 5. Эмпирическая «Психология без души» Николая Ланге	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Александрович Шевцов

Очищение

Том 2. Душа

Серия «ШКОЛА САМОПОЗНАНИЯ»

Издательское товарищество «Роща Академии»

* * *

*Землицю жизнь пройдя до половины,
Я ощутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

Это начало Дантова рассказа о его путешествии сквозь царство душ в поисках Души.

Ясно, что это путешествие по пространствам сознания, ведь «Комедия» его не содержит в себе ничего, кроме представлений об устройстве мира, как он виделся людям к началу XIV века. И значит, это продолжение все того же путешествия Одиссея в поисках себя.

Считается, что Данте определял для себя половину жизни как тридцать пять лет и тем самым относил написание книги к 1300 году. Но на самом деле он написал ее в 1307 году. И даже если он действительно верил, что вторая половина жизни началась для него в 35 лет, это все-таки лишь круглая дата, удобная для подсчетов и чарующая своей математической завершенностью. Действительная же половина его жизни, на мой взгляд, наступила чуть позже – в 1302 году, когда он перевалил за 37 лет.

Дело в том, что в 1302 году он был изгнан из родной Флоренции и заочно приговорен победившей там партией «черных» к смерти. На этом рубеже 37–38 лет «легло», как сказал Владимир Высоцкий, поразительно много художников. Похоже, он как-то связан с исчерпанностью их творческого гения. Те же, что «проскочили», либо не были большими художниками, либо еще не исполнили то, зачем пришли. И Данте был среди последних.

Что же касается половины жизни, решайте сами, что ею считать. Но мне кажется, вторая половина начинается тогда, когда ты переваливаешь какую-то незримую вершину, и вдруг, в распахнувшемся перед тобой пространстве твоей будущей жизни, тебе приходит глубокое прозрение смерти. Это значит, что с этого места ты видишь конец своей жизни. И как бы далеко он ни отстоял, теперь ты идешь к нему.

Возможно, все это определяется самим тобой. Когда-то, еще до рождения, отправляя себя в это путешествие, ты не рассчитывал на жизнь дольше, потому что нам нужно не больше, чем нужно. Чем нужно для того, чтобы сделать дело, ради которого мы сюда пришли. И значит, мы вполне можем определять меру жизненных сил, которую считаем достаточной для избранного тела. Если не предавать себя, то их должно с лихвой хватить на задуманное...

«Божественная комедия» поразительно подходит для продолжения моего исследования. И сам Данте, задумавшийся о себе и движущийся сквозь Чистилище из Ада в Рай своего сознания, – лучший проводник по мирам душ. И созданный им образ проводника – великого римского поэта и провидца Вергилия – будто принимает нас из рук Гомеровского Тиресия, к которому направила меня вместе с Одиссеем заботливая Кирка в конце предыдущей книги (Шевцов А. А. Очищение. В 3 томах. – Том 1. Организм. Психика. Тело. Сознание. – СПб.: Тропа Троянова, 2004).

Огромные пласты культурных и исторических представлений, живущие во мне, будоражатся этой великой песней. И если «Одиссея» была повестью о возвращении к себе, песня Данте – это подробный рассказ о той части путешествия Улисса, где он познает себя как душу или как дух.

В самой же первой песне «Божественной комедии» есть упоминания того, что является предметом моего исследования: Душа, Дух, Души, Духи и ДУША. Именно в такой последовательности:

*Я увидал, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел,
Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.*

*Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.*

*И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.*

*И ты услышишь вопли исступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья.*

*Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя ДУША достойнейшая ждет:
С ней ты пойдешь...*

Это все слова Вергилия – души, вызвавшейся быть проводником в царстве душ. Древний мудрец знает, какие шаги нужно совершить, чтобы найти ту Душу, ради которой предпринято это путешествие.

Мир души

Исследовать душу полагается психологу, и я буду работать как психолог – в ключе культурно-исторической психологии, изучая не как некую естественнонаучную абстракцию, а как собственные представления. И представления взрастившей меня культуры.

Мир души состоит для меня из множества кругов, которые уходят куда-то вглубь. Конечно, в глубь моего сознания, я это понимаю, но как это похоже на то, что рисовал великий Дант! Заглядывая туда, я будто погружаюсь в какие-то сумрачные пространства или миры. Это тоже верно, потому что именно эти круги и составляют слои моих представлений о душе и ее жизни, складывающиеся в мой Образ мира.

Но Образ мира никогда не бывает единичным или единственным. Когда психологи говорят: образ или модель мира, – хочется спросить: какого? О чем речь? Ведь образы миров отражают как мир-природу, так и те миры, в которые мы уходим своими мечтами или воображением. И что очень важно, эти миры тоже действительность. Пусть действительность моего сознания. Но кто знает, что такое сознание?

Единственное, в чем я уверен относительно этих миров, это в том, что в них живет моя душа. И она так ценит их, что может отречься от этого тела и этого мира, если ее понудят предать те якобы несуществующие миры.

Поэтому я подхожу к своему погружению, как к священнодействию. Я знаю, где-то тут, прямо где я сейчас озираюсь в своем ослеплении, находится вход в глубинный Храм Души. Вход этот засыпан обломками позднейших эпох и следами моих ошибок. Но это все несущественно. Его можно раскопать, очищая этаж за этажом, круг за кругом. И даже если в итоге моего исследования выяснится, что душа недоступна очищению, само обретение ясного понятия о ней и о себе будет для меня достаточной наградой. Впрочем, и очищением тоже.

И начну я с самой поверхности. С самых привычных бытовых и протонаучных представлений о душе.

Круг первый

Поверхностные бытовые представления о душе

Введение

Что знает о душе современный русский человек, например, я?

Душа – это либо маленький духовный человечек, живущий где-то в моей груди, либо «комплекс психических проявлений», включающий в себя чувства, переживания, может быть, мысли.

Откуда я это знаю? Да из двух, от силы трех источников. Конечно, Церковь, Христианство оставили во мне свой образ души. Затем поработала Наука. Но если приглядеться, то раньше этого и сквозь это проглядывают какие-то неясные представления, перешедшие ко мне вместе с языком. Это народное понятие о душе. На него тоже напластовались и Наука, и Религия. Но оно все равно отличается от их представлений. Как отличается, без исследования и не скажешь.

Для того, чтобы эти древние представления оживили в нашем сознании, я воспользуюсь самым простым и в силу этого всем доступным приемом. Я выпишу определения души из всех доступных мне словарей. Естественно, из словарей обычного языка, которые называются толковыми. То есть растолковывающими значения слов. С этим искусством растолковывания, конечно, придется помучиться, но что делать?!

Это даст мне самое общее описание понятия «душа». Очень неточное, очень приблизительное и нуждающееся в толкованиях. Но оно позволит мне подойти к особым понятиям души, имеющимся у различных душеведов, а от них пойти вглубь исторических эпох. Мне очень хочется добраться до самого исходного понятия, из которого развивались все те, которыми мы пользуемся сегодня.

Глава 1. Самый первый слой понятия о душе

Общее понятие души у человека имеется просто потому, что оно входит в нас вместе с мышлением и речью. Но если кто-то задумает его осознать и попробует задаться вопросом: а что такое душа? – он налетит на то, что это общее понятие слишком сложно. Лучше даже сказать, что он ощутит, что оно сложено из слишком большого количества образов и вроде бы случайных слов и представлений. Наше собственное общее понятие души нам не по зубам, хотя и естественно для нас, как воздух.

Вот если этот первый порыв свершился, и человек не сдался, то он, скорее всего, попытается разобраться в собственных представлениях разумно. И первое, что придет ему на ум, – для начала взглянуть в словари. В какие? Самым доступным и распространенным является сейчас в России «Толковый словарь русского языка» Ожегова и Шведовой. Это значит, что он очень сильно влияет на обиходную русскую речь, но в еще большей мере творит наше мышление. Что же знает русский человек о душе благодаря этому словарю?

«**Душа. 1.** Внутренний, психический мир человека, его сознание. Предан душой и телом кому-н. Радостно на душе. Мне это не по душе (не нравится; разг.). Вложить душу в дело, в работу (отдаться целиком). В чем д. держится (о хилом, больном человеке; разг.). Д. не лежит к кому-чему-н. (нет расположения, интереса к кому-чему-н.). Д. не принимает чего-н. (не хочется; разг.). Д. меру знает (о нежелании съесть или выпить лишнее; разг.). Д. радуется (очень радостно, приятно; разг.). Д. в пятки ушла (испугался; разг.). От (всей) души или всей душой (искренне). Жить д. в душу (дружно, в согласии). Стоять над душой у кого-н. (неотступно находиться около кого-н., торопя и мешая заниматься делом; разг.). Залезать (влезать) в душу кому-н. (бестактно вмешиваться в чью-н. жизнь, добиваясь откровенности). Сколько душе угодно (сколько угодно, вдоволь; разг.). Ни душой ни телом не виноват (нисколько не виноват; разг.). Отвести душу (высказать все, что накопилось на душе; разг.). На душу брать что-н. (на свою совесть; разг.). За душу берет что-н. (очень волнует, трогает). За душу тянуть кого-н. (мучить, изводить; разг.). Душу вытянуть из кого-н. (измучить чем-н. нудным, томительным; разг.). Д. нараспашку у кого-н. (о том, кто всегда открыт, откровенен, чистосердечен; разг.). Д. не на месте или д. болит (беспокойно; разг.). Отдать богу душу (умереть; устар.). Д. с телом расстается (смерть пришла; разг.). О душе пора подумать (довольно думать о житейской суете: дело идет к старости, скоро умирать; разг.).

2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. Добрая д. Низкая д.

3. В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти. Бессмертная д. Думать о спасении души. Души умерших.

4. перен., чего. Вдохновитель чего-н., главное лицо. Д. всего дела. Д. общества.

5. О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях). В доме ни души. Живой души нет (никого нет; разг.). На душу приходится, досталось (на одного человека).

6. В царской России: крепостной крестьянин, а также вообще человек, относящийся к податному сословию. Ревизская д. Мертвые души (умершие крепостные, также перен.: о людях фиктивно числящихся где-н.).

Душу тянуть (вытягивать, мотать) из кого (прост.) – мучить чем-н. надоедливим, томительным.

Души не чаять в ком (разг.) – очень любить. Души не чаять в детях.

Душа моя! (разг.) – в обращении: милый (-ая).

Душа-человек (разг.) – очень хороший, отзывчивый человек.

Без души – без воодушевления, без подъема.

С душой – отдаваясь целиком, с вдохновением.

В душе – 1) мысленно, про себя. В душе согласен; 2) по природным склонностям. Поэт в душе.

Для души (разг.) – для себя, для удовлетворения своих склонностей, интересов.

По душе (разг.) – нравится. Работа ему по душе.

За душой нет ничего у кого – ничего нет у кого-н.

По душам (говорить, беседовать) – откровенно.

С дорогой душой (разг.) – очень охотно.

За милую душу (разг.) – легко, без усилий.

Как бог на душу положит (разг.) – как придется, кое-как.

С души воротит от чего (прост.) – о чувстве отвращения».

Если приглядеться, то это определение, во-первых, состоит из нескольких различных по качеству частей, а во-вторых, и вообще не определение. Начну с частей. Очевидно, что словарь не знает, что такое душа, и поэтому приводит любые высказывания о душе, что подвернулись авторам под руку. В итоге изрядная часть словарной статьи о душе составляют речевые обороты со словом душа.

Их надо выделить и бережно собрать в одном месте, потому что они-то и есть самое ценное, что создано не только словарем, но и самим народом. В сущности, это не высказывания, а наблюдения, отразившиеся в речи. И велись они века, если не тысячелетия. Я их все выделил жирным шрифтом, и буду так же выделять при рассказе обо всех других словарях.

Вторая часть статьи – это попытки авторов высказать что-то о душе. Я их выпишу отдельно. Но выпишу в определенном порядке, который позволит увидеть, что и они состоят из нескольких слоев. Это очевидно, если к ним присмотреться. Например, два следующих высказывания взаимозависимы:

5. О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях). В доме ни души. Живой души нет (никого нет; разг.). На душу приходится, досталось (на одного человека).

6. В царской России: крепостной крестьянин, а также вообще человек, относящийся к податному сословию. Ревизская д. Мертвые души (умершие крепостные, также перен.: о людях фиктивно числящихся где-н.

Последнее явно вытекает из первого. Если человека видеть живой душой, то и перепись народа можно вести по количеству живых людей – живых душ. Значит, последнее высказывание словаря не имеет никакого отношения к определению понятия души, но оно им пользуется, заимствуя из первого.

Однако и первое тоже не есть определение, оно тоже вторично. Для того, чтобы «в царской России» человека назвали душой, должно было уже существовать понятие о душе человека, а значит, словарь должен был сделать пометку: вторичные значения слова душа. Почему он ее не делает? Потому что тогда ему бы пришлось дать и исходное определение этого понятия. А вот этого он делать не хотел, и не хотел по причинам либо недоумия, либо подлости авторов, избравших не ссориться с правящей в нашем мире естественной Наукой, которая души не признает.

Это, если быть внимательным, сквозит уже в гадковатом выражении «в царской России». Что-то есть в нем от ненависти победившего хама к Великой белой империи. Для лингвиста, для историка языка это выражение, можно сказать, недопустимое. Не было для языка царской России, сменившейся Советской властью. Язык жил и развивался, а вокруг менялись эпохи и формы власти. Но их для него не было, а была длительность бытования, культура и скорость восприятия новых веяний. В общем, не лингвист это сказал, а политик, и политик подлый, советский, для которого жизнь есть только по эту сторону революции. А по ту – сплошная царская Россия.

И это не только в этом высказывании. Приглядитесь к трем первым определениям:

Внутренний, психический мир человека, его сознание.

То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами.

В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти.

Два первых – это заимствования из науки. Первое можно считать философским, второе – психологическим. И оба они естественнонаучные. Но если мы ищем исходное понятие души, эти не подойдут, потому что они слишком молоды. Им, дай бог, пара веков. На самом деле второму всего сотня. Как они могли быть исходными для тех понятий, которыми пользовались люди в «царской России»?

Это заведомый подлог. Вместо исходного понятия нам подсунили научное, к тому же очень плохого качества. С точки зрения психологии душа вполне может быть сознанием или психикой, но с точки зрения языка это недопустимая подмена. На то язык и хранит два слова, чтобы языковеды их различали и видели за ними два различных понятия. Не может для настоящего ученого, изучающего язык, душа быть сознанием. Если только он не задался целью пропагандировать естествознание.

Как раз языковед-то и должен бы сопротивляться этой подмене. Ведь язык и скрытое за ним мышление народа – это последний оплот изгнанной из мира души. Но среди определений нет ни одного, которое передавало бы народное представление о душе. Даже слова о религиозных представлениях не то. Это все-таки не народные и, уж тем более, не чисто языковые представления, с которых и стоило бы начать.

Но слов о народных представлениях нет. Их вырезали, будто отстригли корень современного русского разговорного языка. Случайность ли это? Вряд ли. Не скажу: злой умысел, но то, что это современная научная культура, определено. Что же делать?

Продолжить исследование, больше ничего не остается.

И первое, что я сделаю, – очищу свое сознание от зависимости от подобных словарей. Очищу одним простым наблюдением. Словари, вроде этого, не дают определения души, они лишь собирают и пересказывают мнения других людей об этом предмете. То, что душа – это сознание, есть мнение. К тому же, неизвестно чье. И было бы желательно, чтобы словари называли источники, из которых заимствуют подобные высказывания. Иначе это все выглядит уж больно выпендрено, будто вещание от имени самой Истины.

И то, что душа – это характер, тоже мнение. Мы еще можем встретиться с ними впоследствии, если заглянем в Науку поглубже. Это Наука отказалась говорить о душе, но не захотела придумать иное слово и просто вложила в старое имя свое содержание. Содержание, естественно, надуманное, и потому неестественное для древнего слова. Но ей так удобно вести исследования частных явлений, не отвлекаясь на сравнения с действительностью.

А вот то, что душа – это сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти, пожалуй, бесспорно, самое древнее представление из всех приведенных. И в силу этого, оно, очевидно, исходное или приближающееся к исходному.

Все остальные «определения» либо вытекают из этого, либо спорят с ним, доказывая, что народ ничего не понимал, когда придумывал такие глупости, как душа, дух, духи... Оно, конечно, далеко не полное определение, потому что не покрывает тех черт души, которые явственно проступают сквозь приведенные в словаре народные речения. Но если их совместить, будет ясно, как народ представлял себе душу. По крайней мере, это можно считать условной сердцевиной русского народного понятия души.

Я называю его сердцевиной, да еще и условной, потому что боюсь ошибиться. Приглядитесь к еще одному определению, которое, в сущности, есть лишь пересказ своими словами нескольких народных речений:

Вдохновитель чего-нибудь, главное лицо. Душа всего дела. Душа общества.

С точки зрения языковедения, сказать, что душа – это вдохновитель, это плохое, слабое определение, потому что вдохновитель и есть тот, кто вдыхает в человека дух и душу. Это как бы определение через само себя. Но зато оно очень хорошо, если я собрался разобраться и понять, что такое душа. Душа – это не главное лицо, это нечто главное в обществе или сообществе, что проявляется через главное лицо. А уж если быть точным, то именно его душа, потому что сообщество можно рассматривать как большое живое существо. И значит, душа – это главное во мне. Это источник жизни и движения для меня и для любого дела.

Эти значения очевидны, но даже такое крошечное подглядывание в понятие души через наш язык тут же показывает, что любое простое и короткое определение, вроде того условно исходного, будет поверхностно и недостаточно.

Таким образом, **душа – это сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти.** Но этого так мало для понимания себя! Наверное, потому, что слишком просто.

Глава 2. Уточнения первого понятия

Эта книга пишется как исследование, которое я веду в Исследовательской Мастерской Академии Самопознания, где мы заявили своим предметом исследование себя как души. До этого, в рамках Училища русской народной культуры, мы исследовали себя как тело и личность. И это было еще очень поверхностное исследование, хотя без него к душе не пройти.

Заявив, что предлагаю исследовать себя как душу, я вызвал неожиданно большой интерес у людей, которые приходят обучаться самопознанию. И вокруг предложенных мною вопросов закипела поразительная работа. Десятки людей пишут сейчас ежедневно мне и в Академию, обсуждая начало исследования. И я даже успел получить отклики на первую главу. В итоге рождается небывало большое и подробное описание понятия «душа» в русском языке и современной народной культуре. Можно считать это этнографическим опросом на заданную тему.

Но оно настолько велико, что его придется издавать особо. Поэтому я буду время от времени пользоваться сделанными нашими слушателями находками, не вдаваясь в излишние подробности. В данном случае, одно из высказываний позволяет сделать уточнения первой главы, поскольку явно показывает, где может возникнуть путаница и непонимание.

В одном из писем прозвучало: Я поняла, что душа – это тоже понятие и что его можно исследовать! Внесем точность в свои представления.

Выражение это – неверно. Душа – это не понятие, душа – это душа. Эта оговорка не случайна и еще встретится нам, почему я и посвятил ей эту отдельную главу. Подмена души понятием души – это признак взрастившей нас культуры. Она проявляется даже у тех, кто искренне хочет познать свою душу.

Душа – это душа. Но у нас есть о ней понятие. И оно очень большое, сложное и древнее. Вот его я и разбираю. Если бы я хотел ограничиться только им, то можно было бы закончить все прямо этой главой.

Но я хочу добраться до самой души. И именно для этого мне нужно очень хорошо видеть мое понятие о ней, а также как это понятие складывалось из множества наблюдений и попыток передать увиденное средствами языка.

Иными словами, первая задача – собрать предельно полное описание души, которое и есть ее понятие.

Затем добраться сквозь описания до предшествовавших им наблюдений.

И только тогда, когда удастся понять, как были возможны эти наблюдения, возможно созерцание самой души.

Глава 3. Карта пути

Как это ни странно, но такая всечеловеческая вещь, как душа и понятие о ней, оказывается землей неведомой для пытающегося ее познать. И даже хуже, есть подозрение, что путь к душе намеренно запутан ее многочисленными врагами. Где взять подсказку, если не о том, что такое душа, то хотя бы о пути к ней и об устройстве ее мира в моем сознании?

Я могу с грустью и облегчением сказать: только не там, где висит вывеска «Здесь изучают душу». Мир однажды, как сказано в «Слове о полку Игореве», обратился наничь, вывернулся наизнанку. Все похоже на грезы Алисы в Зазеркалье: если хочешь прийти к цели, беги от нее. Это грустно. Но облегчение дает знание, что мне больше не нужно, к примеру, перелопачивать авгиевы конюшни Психологии.

В Науке о душе души искать нечего. Для дальнейшего исследования эта Наука бесполезна. Не в том смысле, что не дает пользы, а в том, что даже вредна. Хотя бы тем, что надолго может утопить в тоннах своей макулатуры доверчивого путешественника. Впрочем, чуть позже я кратко покажу, что Психология думает о душе. Вам не понравится.

Но где же искать подсказки о пути? Может быть, у друзей души? А кто эти друзья души и против кого они воюют сейчас? К тому же сказано: в этом мире все вывернуто наоборот. Возможно, искать надо у врагов. Искать надо там, где и не подумаешь искать. Например, в каких-нибудь самых оголтелых марксистских изданиях времен победы коммунизма в отдельно удушенной стране.

Друзьям души, как и друзьям народа во времена Ленина, душой заниматься некогда. Им надо воевать с социал-демократами, например. Или за свободу слова и вероисповеданий, как во времена Брежневского застоя. С бездуховностью, в конце концов, как это делают сейчас многие интеллигенты. С той самой, что заполонила наше телевидение вместе с бесконечной рекламой. Ну, а душой они не занимаются, потому что, во-первых, нельзя гармонию поверять алгеброй, нельзя прикасаться к святым и неприкасаемым местам рациональным умом, а во-вторых, душа для них сама собой разумеется. Иначе говоря, современный борец за душевность знает, что такое душа, исконно, чувством и неразложимо на слова или понятия. И очень уверен, что является судьей для всех в этом вопросе. В общем, судит всех вокруг за бездушность. А вокруг – демократия... И болото мертвых душ. Что тоже само собой разумеется.

Враги. Вот кто нам нужен! Враги хотят победить. А победу они готовят. И у них должны быть разведанные о силах противника и карты местности, где они предполагают учинить противнику разгром. А кто для русского человека был большим врагом души, чем официальная советская пропаганда?

Пропаганда эта велась умно и сразу на множестве уровней. От газетной брехни и воя – до фундаментальных научных исследований или требования в любой научной работе вставлять кусочек идеологического обоснования, как эта работа способствует победе бездуховности. Посередине стояли сочинения, которые можно считать шедеврами пропаганды, потому что ими пользовались все, и никто не подозревал, что их мозги при этом обрабатываются и промываются. И становятся либо советскими, либо научными по способу действия.

Об этом нельзя забывать, приступая к очищению, потому что все русские люди, даже те, кто родился после революции 1991 года, имеют в своем мышлении слой, хранящий представления, заложенные советским временем. Сознание хранит все и передается от одного человека другому. Так оно становится общим или народным. И главное, что обеспечивает эту передачу, – это то, что наш разум постоянно занят добыванием орудий выживания и подбирает их неосознаваемо для тебя, стоит только ему распознать что-то полезное, превращая в образцы.

Образцы поведения, как и образцы мышления, – это орудия выживания в обществе как своего рода мире. Накапливаясь у человека, они делают его выживание в мире-обществе легче,

но при этом они ползут из сознания в сознание, создавая то, что принято называть коллективным бессознательным. Независимо от того, насколько условно и неверно это выражение, у всех ныне живущих русских существует советский слой мышления, и признаком этого будет то, что вы узнаете приводимые ниже определения души.

Я беру их из самого читаемого собрания ответов на все возможные для русского человека советской эпохи вопросы – «**Большой советской энциклопедии**». Едва ли были книги, которые оказали большее воздействие на сознание людей. Заметьте сразу, «Большая советская энциклопедия» не говорит о душе, она говорит о понятии, обозначаемом этим словом. Соответственно, из этого она легко переходит опять же не в разговор о душе, а в рассказ о представлениях или мнениях людей разных эпох.

Но величайшая ценность этого рассказа в том, что он кратко, но по-своему очень точно намечает все точки пути, который нам предстоит преодолеть в своем путешествии. Я разобью цельную статью на отдельные куски, чтобы это стало очевидно.

ДУША (греч. *psyche*, лат. *anima*), понятие, выразившее исторически изменявшиеся воззрения на внутр. мир человека;

Итак, четко заявлено: мы не говорим о душе, мы говорим о том, как сложилось наше понятие о душе, иначе говоря, как накладывались на некую изначальную основу исторические напластования. А значит, мы вполне можем понять, что это зашифрованное описание пути к источнику. Сначала оглавление разделов: в религии и идеалистич. философии и психологии – понятие об особой не-материальной субстанции, независимой от тела.

Понятие Д. восходит к анимистич. представлениям (см. Анимизм) об особой силе, обитающей в теле человека и животного (иногда – и растения), покидающей его во время сна или в случае смерти.

Вот основные пространства или круги, которые описываются в утерянной книге советского душеведения. Утерянной потому, что и все остальное в статье из Энциклопедии можно считать лишь оглавлением, перечнем глав, которые, если и были написаны, то не в этой книге. Наверное, каждую главу составляли труды советских ученых, которые разрабатывали соответствующие темы на кафедрах своих институтах. Какие же главы нам предлагаются?

Это понятие отражает развитие мифологич., религ., филос. и науч. представлений о сущности человека, характеризуя становление предмета психологии.

Первая часть повествует, как успешно велись боевые действия против души на фронте психологии, превратившей душу в предмет. Это, можно сказать, первая линия обороны, состоящая из множества ловушек, в которых должен увязнуть начинающий искатель души. С ней все просто, потому что очень удачно. Выбравший Психологию к душе не прорывается с гарантией, поэтому об этом участке фронта можно забыть. Но есть участки, где все не так однозначно до сих пор, и вторая линия обороны для тех, кто похитрее, поэтому Наукой всегда уделяется ей гораздо больше внимания.

В истории философии понятие Д. осмыслялось через противопоставление его понятию тела как вещи (Д. как динамич. сила), органическому телу (Д. как активное жизненное начало), понятию духа (Д. как индивидуальное проявление единой духовной субстанции или как созданное богом неповторимое личностное начало), внеш. социальным формам человеческого поведения (Д. как внутр. мир человека, его самосознание).

Ранняя др. – греч. натурфилософия проникнута представлениями о всеобщей одушевленности космоса (гилозоизм). По Демокриту и Эпикуру, Д. телесна и образуется из шаровидных и подвижных атомов. Идея Д. как особой бестелесной и бессмертной сущности высказывалась пифагорейцами (видящими в Д. также начало гармонии частей тела) и получает развитие у Платона и в неоплатонизме (Плотин, Прокл). «Мировая душа» мыслится Платоном как один из универсальных принципов бытия, выступая в качестве вечного динамич. начала, начала

самодвижения, объединяющего мир неизменных идей и мир изменчивых телесных вещей. Индивидуальная человеческая Д. представляет собой образ и истечение мировой Д.

Этот ранний период вообще сплошной мрак, одно хорошо, что от тех времен очень мало чего сохранилось. За исключением Платона, который оказался неприлично плодовит и оставил такое количество диалогов, что они составили четыре тома в советском издании. Впрочем, в оглавлении они покрываются четырьмя строчками, как вы видите. Будто он о душе и не говорил почти ничего. Зато пришедшему вслед за ним Разрушителю Платонизма и основателю Науки посвящена чуть ли не вставная новелла:

Аристотель является родоначальником научного подхода к изучению Д. как формы живого тела (с точки зрения аристотелевского расчленения формы и материи), рассматривая её в контексте учения о целесообразности в развитии органической природы. Д. понимается Аристотелем как энтелехия (осуществление) тела, его активное целесообразное начало. Аристотель выделяет три вида Д. – питательную (растительную Д.), чувствующую (животную Д. – со способностями чувственного восприятия, желания и движения) и разумную Д. (специфически человеческую). Аристотель наметил проблематику психологии как учения о связи между душевными способностями и органическими процессами.

Какое создается впечатление? Платон о душе говорил между делом, Сократа вообще не было, а настоящим основанием, на котором только и можно строить хоть какое-то изучение души, является Аристотель. Это не случайно, поскольку на войне случайностей не любят, и это стоит себе отметить. А дальше опять краткая пометка.

Элементы платоновского и аристотелевского учения о Д. были восприняты схоластикой и переработаны в соответствии с христ. представлениями о бессмертии, индивидуальной неповторимости и личностном характере Д.

Есть в этом упоминании Христианства какое-то сходство с упоминанием Платона. Уж слишком кратко. А ведь мы знаем, уж если кто и говорил о душе, так это Христианство. Не о душе ли, в таком случае, и все диалоги Платона?

Далее водораздел, потому что рождается современная Наука и с ней новый Мир, где все понимается иначе, а значит, все используется для своих нужд, но используется так, как это нужно, а не так, как оно есть. Фокус поразительный и потрясающий, если приглядеться.

В новоевроп. философии термин «Д.» в собственном смысле стал употребляться для обозначения внутр. мира человека.

Этого я вообще понять не могу: **термин Душа в собственном смысле стал употребляться для обозначения!..**

Наверное, где-то во внутренних покоях научных храмов стоит памятник гению, придумавшему, как создавать подобные обороты речи. Именно они и составляют суть научного языка, на котором нам открывается истина об устройстве мира и на котором мы теперь привыкли общаться с себе подобными организмами.

Если термин используется в собственном смысле, то имя «душа» может означать только душу. А если он используется для обозначения внутреннего мира человека, то он используется не в собственном смысле, а как раз в смысле, вложенном в него новоевропейской философией.

И будь враги души учеными и философами, а не политиками и военными покорителями этого мира, они бы сказали: в новоевропейской философии мы используем древнее имя «душа» для обозначения того, что изучаем. И тогда мы сразу бы распознавали подмену и имели право ее не принять.

Но мы приняли, и значит, прием этот настолько действенен, что наши души улучаются и становятся безвольны. То есть теряют свободу, когда их опутывают такими словесами. А дальше когда-то державного князя долго и мучительно душат подушками, режут скальпелями, травят ядовитыми испарениями кипящих кислот...

Дуалистич. метафизика Р. Декарта разделяет Д. и тело как две самостоят. субстанции: Д. духовна, проявляется в состояниях и актах сознания, тело же материально и протяжённо. Животные рассматриваются Декартом как живые автоматы, лишённые Д. Начиная с Декарта вопрос о взаимодействии Д. и тела обсуждается прежде всего в русле психофизической проблемы (вплоть до нем. психологов Э. Г. Вебера и Г. Фехнера). Дуалистич. представления Декарта явились источником как эмпирико-сенсуалистич. (Дж. Локк), так и рационалистич. (Г. Лейбниц) традиций в истолковании Д. Так, Лейбниц рассматривает Д. как замкнутую субстанцию, монаду, обладающую двумя осн. способностями – чувствованиями (ощущениями) и желаниями. Локк, отказываясь от обсуждения природы Д. как метафизического вопроса, призывал ограничиться изучением душевных явлений – ощущений и идей как связи ощущений (положив тем самым начало ассоцианизму в психологии). Д. Юм, описывая человеческое «Я» как простой пучок представлений, подверг тем самым сомнению идею субстанциальности Д., показав невыводимость её из эмпирич. описания душевной жизни. И. Кант, критикуя рационалистич. психологию, выводит понятие Д. за пределы опыта, в область трансцендентальных идей, обуславливающих возможность человеческого познания. Кант перенимает идущее от нем. психолога И. Тетенса разделение способностей Д. на ум, волю и чувство. Послекантовский нем. классич. идеализм стремится преодолеть декартовскую дихотомию Д. и тела на основе понимания их единого происхождения из духа (Ф. Шеллинг, Г. Гегель).

В экспериментальной психологии, получившей развитие с сер. 19 в., понятие Д. вытесняется в значит. мере понятием психики. Потребность в целостном подходе к человеку и его психич. жизни актуализировала на рубеже 19–20 вв. интерес к проблеме Д. как внутр. жизни человека, придающей активность и целенаправленность его поведению и деятельности. Наряду с направлениями, к-рые при рассмотрении психики выделяют составляющие её элементы (ощущения, чувства, акты, состояния) и стремятся вскрыть механизмы их связи (ассоциация, интуиция, способность, «гештальт» в гештальтпсихологии и др.), возникают течения, к-рые в центр внимания ставят содержание сознания действующего и рефлексирующего «Я» (философия жизни, понимающая психология, феноменология и др.). В этом плане понятие Д. может быть раскрыто через такие характеристики, как: внутреннее (в противоположность внешнему – поведению), целостное (в противоположность отд. элементам – психич. свойствам и функциям), духовное (идеальное предметное содержание в противоположность материальному – физиологич. субстрату), активное (деят. реализация личности в противоположность реактивному приспособлению – адаптации организма).

В итоге советская Психология, как вершина всего научного поиска, может себе позволить о душе не говорить совсем. Дело сделано, король умер, да здравствует король!

В сов. психологии термин «Д.» иногда употребляется как синоним психики, к-рая рассматривается марксистской философией как субъективный образ объективного мира, являющийся продуктом обществ. – историч. развития (**смотри статью Психика**).

Про психику я уже рассказывал в предыдущей книге. Чтобы было понятно мое вполне заслуженно вымученное мнение, расскажу анекдот. В нем все о душевном предложении посмотреть еще раз что-нибудь о психике.

Две девушки поздно вечером стоят у дороги. Проезжающая мимо машина останавливается, открывается дверца:

– Девушки, вас подвезти?

– Спасибо, мы не девушки. Нас уже подвозили!

Глава 4. Стоит ли возиться со словарями?

Честно говоря, я считаю, что приведенных уже определений достаточно, чтобы полностью обрисовать то понятие о душе, которое насаждалось русскому человеку идеологическими ведомствами победившего научного общества. Но я не хочу заставлять вас принимать на веру свои слова. Поэтому я приведу определения души еще из двух очень авторитетных словарей русского языка. Не затем, чтобы сделать описание понятия души полнее, они в действительности ничего не добавляют, а затем, чтобы убрать сомнения, что в этом круге искать нечего.

Толковые словари русского языка – это важнейшее орудие перестройки сознания. Ведь они содержат не слова, а понятия, которыми мы и видим мир. Иначе говоря, словарь, по существу своему, есть запись образа мира, разбитая на отдельные черты, соответствующие понятиям об этом мире. Сверяя себя со словарем, мы перестраиваем и свое мировоззрение, и свое мышление. Соответственно, меняется и поведение. А управление поведением было именно тем, что требовалось идеологам коммунизма, начиная с Ленина. Словари исполняют роль тех самых «приводных ремней от партии к массам», которые рассмотрел Ильич в профсоюзах.

Первый Толковый словарь советского мировоззрения был создан в ту самую эпоху, когда набирал силу культ личности Сталина и вырезалось инакомыслие. В 1935 году. Так что, думаю, его спокойно можно называть Толковым словарем сталинского единомыслия. Вышел он под редакцией видного лингвиста Д. Ушакова. И работал над его четырьмя томами целый институт, который назывался «Советская энциклопедия» и был одним из важнейших идеологических отделов Коммунистической партии.

Во всяком случае, авторы словаря отчетливо ощущают себя призванными Революцией и исходят из Ленинских требований к толковому словарю:

«...после Октябрьской революции, когда с победой класса, формирующего свою новую, пролетарскую интеллигенцию, стремящуюся усвоить все достижения предшествующей культуры, так расширился круг пользующихся письменной речью, нужда в толковом словаре русского языка, рассчитанном на широкого читателя, указывающем нормы употребления слов и близком к современности, должна особенно живо ощущаться» (От редакции // Толковый словарь).

Масса безграмотных пролетариев, уничтожив собственных образованных людей, резко стремилась занять высвободившиеся места и «усвоить все достижения предшествующей культуры». Усвоить – это ведь сделать своим, по сути, присвоить. Присвоить себе фабрики или поместья просто, а вот присвоить способ думать или создавать художественные произведения – это задача посложнее. Она и была поставлена перед идеологической машиной еще Лениным, как задача создания собственной рабоче-крестьянской интеллигенции. Но дело нельзя было пускать на самотек, тогда все труды насмарку.

В пустые головы гекатонхейров нужно было вложить правильный способ интеллигентствовать. Зачем был нужен этот Словарь, становится пронзительно понятным, когда читаешь в той же редакторской статье о психологической механике, заложенной в его основу:

«Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства, кроме того, самый анализ значений и оттенков значений слов, бывший предметом особой заботливости составителей и более детальный, чем в старых академических словарях и в словаре Даля, дает материал не только для теоретического изучения русской лексики, но, главное, для практического – с целью сознательного употребления в речи того или другого слова» (Там же).

Анализ значений и оттенков значения... Слово «анализ», столь излюбленное сейчас в простонаучном языке, который постепенно вытесняет народный русский язык, вообще-то означает разложение. Не в смысле умирания, а в смысле убивания, то есть разделения на части, подобно работе хирургического скальпеля. Этот заместитель русского слова «исследование», в сущности, есть присутствие естественнонаучного мировоззрения, в частности, мировоззрения физиолога и анатома, в мышлении лингвиста и писателя. Одно это уже пугает. Тем более пугает, что именно эта операция с живым русским словом и превращает его в образец для употребления.

Душу, в частности, резали в 1935 году, кромсая последовательно от самых истоков:

ДУША 1. В религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека. <...>

2. В старой психологии – совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека.

3. Внутренний, психический мир человека. <...>

4. Свойство характера, основные черты личности, а также человек с теми или иными свойствами. <...>

5. Чувство, отзывчивость, пыл. <...>

6. Вдохновитель, главный организатор, центральная личность. <...>

7. Сущность, самое главное. <...>

8. Человек (разг). <...>

9. Крепостной крестьянин (истор). <...>

10. Дружеское, фамильярное обращение.... <...>

А далее уже знакомое перечисление различных языковых выражений со словом душа. То есть, собственно говоря, как раз то, что и стоило бы растолковать как живое народное видение души, если бы речь шла о ней. Но речь идет о понятии души, и такой способ разговора – вокруг и в обход – и прививался как образец интеллигентного способа говорить о подобных скользких предметах.

Что ж, в отношении понятия, даже такого, как понятие души, подобное расслоение возможно и допустимо. В сущности, оно является все той же картой пути или перечислением слоев, которые нам придется пройти, чтобы понять, что спрятали за понятием.

А прятали не щадя сил и живота своего. После Сталинского словаря в России словарей выпускали немало. Словарь Ожегова мы уже читали. Но кроме него был создан четырехтомный Словарь русского языка, который считается академическим. Он явно подхватил дело Сталинского словаря. Во всяком случае, задача осознавалась составителями как закрепление всего нового, что было найдено творцами советского языка, каждые 10–20 лет: «в первом издании было представлено состояние словарного состава русского литературного языка 40–50-х годов, второе издание должно показать состояние словарного состава 60–70-х годов XX века».

Я приведу статью о душе из третьего издания, выпущенного на переломе 1985 года, когда выходили словари, подводившие итоги всей советской эпохи. В том году Словарь вышел без изменений, стереотипным изданием. Нового не было слишком долго, в итоге началась перестройка.

Итак, если вы еще не забыли Ожегова, то будете приятно удивлены: ба, знакомые все лица! Но вот по сравнению с тридцать пятым годом движение есть. Безусловно, есть. Наверное, есть... И если оно есть, то явно продумано не в Институте языка, а в идеологическом отделе Политбюро ЦК КПСС. И задумка эта из разряда тех хитростей, которые заплетают мозги в узел, так что уже никто не разберется, где здесь начала, где случайное. Сравняйте:

ДУША. 1. Внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п. <...>

// В идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов.

// По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом. <...>

2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека.

// Чувство, воодушевление, темперамент. <...>

3. разг. Человек. <...>

4. В старину: крепостной крестьянин. <...>

5. Дружеское фамильярное обращение. <...>

6. Самое основное, главное, суть чего-л. <...>

Все. Дальше – народное описание души. Оно не комментируется. Есть еще вопросы к словарям? Вопросы-то есть, да не в словарях же искать ответы?

Ясно, что не в словарях, и вообще может появиться ощущение, что словари в поиске души бесполезны. Это не так. Не забывайте, что наше самопознание идет через очищение, а словари, если вы вдумаетесь, написаны не на бумаге. Они написаны, как все настоящие книги, на том, что не горит. Ведь они писаны образцами, а образцы эти давно расплозились по сознаниям людей и теперь живут в нас.

Я предлагал в самом начале упражнение: проверить себя, узнаете ли вы то, что сказано в словарях. Или это покажется чем-то совершенно новым и вызывающим ваше недоумение. Вряд ли вы столкнулись хоть с чем-то, что не поняли без переводчика, скорее, наоборот, к третьему словарю началась скука. Ведь вы все знали уже при чтении первого. Все высказывания как бы естественны для современного русскоязычного человека. Значит, даже если мы этого не осознавали, в нашем сознании все это уже угнездились и живет, само собой разумеясь. И при столкновении с соответствующими выражениями узнает их.

А где же мы? Чем занят я, пока вот это, придуманное в институте при ЦК КПСС, разумеет себя?

Хватит Толковых словарей и обычных понятий о душе, перехожу на следующий круг, к понятию простонаучному.

Круг второй

Простонаучное понятие души

Наука за последние века стала столь привычной, что мы даже не замечаем, что говорим научно даже в быту. В итоге, очень часто мы вообще не замечаем, что говорим. Ярчайшими примерами является использование словечек, вроде логично, система, анализ. Перейдя из тайного языка науки в бытовую речь, они превратились в совершенно самостоятельные вещи, не имеющие действительного соответствия ни в исконном языке, из которого их заимствовала Наука, ни в языке собственно научном.

Что же так соблазняет обывателя в простонаучном жаргоне, который расползается по умам подобно тому, как расползается сейчас блатная феня? Действенность. Точнее, кажимость действительности, а значит, магичности. Это обман, но настолько сложный, что его почти невозможно разглядеть, ведь он подкрепляется неким общественным договором, а значит, обретает ту действительность, которая за ним подозревается.

Поясню. Первое подозрение о действительности простонаучного языка и фени возникает у обычного человека, не входящего в тайные сообщества воров или ученых, не тогда, когда он слышит саму их речь. Нет, тогда он как раз думает о ней плохо, как о птичьем языке: чего чирикают?! Нельзя, что ли, по-человечески говорить!

Подозрение возникает, когда он понимает, что и воры, и ученые очень дееспособные люди, которые захватили мир и делят его между собой, уступая по силе разве что государству и предпринимательству. Вот тогда появляется вопрос: а как это им удастся? За счет чего они могут то, чего не могу я? И разум тут же начинает изучать и собирать все, что может быть использовано для совершенствования, а значит, для улучшения выживания. А это, что вполне естественно, то, что снаружи и что проще всего взять. Язык.

Но ведь язык состоит всего лишь из слов.

Действенность сообществ заключается в их свойствах, в том, что все свои, входящие в сообщество, заключили гласные и негласные договоры помогать друг другу всеми средствами. И вот их много, и они повсюду, а обыватель всегда один на один со всем миром.

По большому счету, это одиночество – вовсе не его беда. Это его награда, ради которой он и живет. Ведь он бы тоже мог войти в сообщество, но очень не хочет платить ту цену, которую затребует сообщество за то, чтобы считать его своим. А это цена свободы. Да еще и дополнительных скреп, которые надо наложить на душу. Блатные, к примеру, принимают тюрьму как мир и символ веры. И выйдя из нее, они уже никогда не свободны, потому что остаются и здесь жить в законе, таская тюрьму на себе, подобно ракушке. Вот почему они даже из своих домов устраивают хаты, более всего напоминающие жизнь на зоне. Жить в разных мирах трудно, проще, оказывается, тащить частицу одного из миров с собой по всем мирам, куда тебя заносит жизнь.

Ученым тоже свойственно превращать любое место, хоть кухню своей квартиры, в привычную лабораторию или кафедру, стоит им собраться вместе. Да и обыватель делает то же самое. Он несет свой мирок с собой или намотанным на себя настолько ярко, что его с первого взгляда узнают, когда он входит в камеру пересыльной тюрьмы. Мужик пришел! Значит, терпила, лох. Да и в университете – либо он выглядит как студент-заочник, либо его принимают за слесаря.

Тем не менее, простой человек постоянно забирает в свой словарь все подворачивающиеся сильные словечки и применяет их в своей бытовой речи. В итоге, все подобные ему простецы, которые сами нахватились осколков магических языков, начинают понимать не то, что он сказал, а то, что он звучит сильно! А этого вполне достаточно для его главной цели – полу-

чить уважение, то есть обрести достоинство в своем мире. А то, что ему надо, он изложит во втором слое своей речи, дополнительном к слою самоутверждения. Мы очень привыкли распутывать смыслы и пересмыслицы, и нас невнятной речью не смутит. Лишь бы человек был приятным и внушал мне чувство взаимного уважения.

Когда мы говорим умно, когда мы говорим сильно, мы довольны собой. А то, что мы не понимаем, что говорим, кому до этого дело? Чужим, может быть? Так и пусть живут в своем мире, а в моем все прекрасно понимают, что я делаю, когда говорю научно, например. Даже если я говорю не научно, а простонаучно.

Как ни странно, но общее ощущение самодовольства, исходящее от обывателей, освоивших сильное звучание тех же научных слов, производит обратное воздействие и на воров и на ученых. Они начинают чувствовать, что простонаучным или простофеней надо владеть, поскольку языки эти явно действенны, раз весь народ их использует. И искажения исконных тайных языков начинают просачиваться вспять, проникая в собственные материнские сообщества.

В итоге, множество ученых говорят о науке не на научном, а на простонаучном языке, не очень понимая, чем они отличаются, и даже не осознавая, в каком состоянии сознания употребили то или иное слово. Мы же из-за этого оказываемся в следующей ловушке. Теперь, читая книгу, написанную в изрядной своей части на простонаучном языке, мы ощущаем, что понимаем, что там сказано.

Но, что там сказано, по-настоящему не понимал и автор. Ведь он не понимал простонаучного языка, когда использовал. Не понимал по той простой причине, что это вообще не язык для писания или рассказывания. Это язык действия, строго дополнительный к основному разговору и более всего похожий на язык жестов, вроде принятия властных или униженных поз у двух животных, когда они выясняют, кто из них главнее в собственной стае. Писать на простонаучном языке нельзя вообще, а пишут только потому, что для него используются слова научные со сходным начертанием.

Что ж, начертание действительно сходное. Но слова-то все-таки не научные, а простонаучные. А что это значит? Конечно, то, что они несут не научное, а простонаучное значение. А значит, имеют целью не передавать смысл, а оказывать какое-то дополнительное воздействие, которое плохо осознается и читающим, и пишущим. Почему? Да потому, что осознание хранится в общем мышлении того сообщества, которое создало этот язык. Но то, что хранит сообщество, еще не есть знание отдельных его членов. Хранить и знать – совсем не одно и то же. Тем более, понимать.

Для понимания явление должно быть изучено.

У меня нет задачи изучать простонаучный язык. Для очищения мне достаточно его узнавать в тех примерах, которые я разбираю. А значит, осознавать источник, из которого проникло явление в мое сознание. Как бы ни любопытна была эта сложная тема для исследования, для меня важно одно: если нечто проникло в мое сознание извне, значит, оно не есть я.

Глава 1. Все врут календари

И словари тоже врут. Да еще врут и перевирают друг друга. Я начну со словарей психологических, потому что с Психологией попроще будет распрощаться. Она душой уж совсем не занималась. Но не поминать не могла. Впрочем, большая часть современных психологических словарей и у нас и за рубежом все-таки умудряется как-то душу даже не поминать. Проверьте сами.

В самом общем виде отношение Психологии к душе можно понять по определению, которое ей дает даже не Словарь, а сборник шпаргалок для экзамена по психологии, созданный Ф. Филатовым в серии «Высший балл» под названием «Общая психология». Это такой справочник карманного формата, который удобно пронести с собой на экзамен и в нем быстренько подглядеть ответ, который написан в таком упрощенно-образцовом виде, что сам должен влезать в сознание, как приставучая песенная строчка.

Как вы понимаете, это и есть ярчайшее выражение того, от чего надо очиститься на пути к душе.

«**Психология**» – слово греческого происхождения, традиционно принятый дословный перевод которого – “**наука о душе**” (гр. “psyche” – душа и “logos” – знание, учение). Как правило, в названии научной дисциплины отражается ее предмет, однако в случае с психологией дело обстоит сложнее: понятие “душа”, пришедшее из теологии и философии, используется расширительно, как предельно обобщенное обозначение целого класса явлений, относящихся к внутреннему миру и психическому складу человека. Попытки конкретизировать предмет психологии приводят к распаду исходного понятия души на ряд дополняющих друг друга понятий: сознание, психика, личность, поведение и др.». (Филатов, с. 2–4).

Надо отдать должное Филиппу Робертовичу Филатову, он честен, хотя и несколько циничен. И он делает своей книгой очень важное дело – он помогает студентам не изучить то, что изучить невозможно, а прорваться сквозь искусственные препоны наукообразности. Спасибо за спасенные от лишних пут души.

Но Филатов может ошибаться или высказывать очень частное, личное мнение. К тому же это современная книга, еще не многим вложившая свои образы в сознание. А что живет, скажем, в моем сознании? И в сознании тех, кто давно увлекается психологией?

Естественно, в общей культуре русского человека правят те понятия, что закладывались в советскую эпоху. И там, безусловно, есть твердое убеждение, что если мне вдруг потребуется что-то узнать про душу, то искать надо в психологических словарях. И я ищу. Самый распространенный словарь той поры – «Психология» Петровского и Ярошевского – приводит вот к такому «распаду исходного понятия души»:

Душа – понятие, отражающее исторически изменявшиеся воззрения на психику человека и животных; в религии, идеалистической философии и психологии Душа – это нематериальное, независимое от тела животворящее и познающее начало.

Возникновение понятия «Д.» связано с анимистическими представлениями первобытного человека, примитивно-материалистически истолковывавшего сон, обморок, смерть и т. д. Сновидения воспринимались как впечатления Д., покидающей во сне тело и обретающей независимое от него существование.

Дальнейшее развитие представлений о Д. происходило в контексте истории психологии и выражалось в столкновении идеалистических и материалистических учений о психике.

Далее следует оглавление возможного очерка истории учений о душе, но я его опущу, потому что мы им еще займемся. Важнее концовка:

В научной литературе (философской, психологической и др.) термин «Д.» не употребляется или используется очень редко – как синоним слова «психика». В повседневном слово-

употреблении Д. по содержанию обычно соответствует понятиям «психика», «внутренний мир человека», «переживание», «сознание».

Вы, я надеюсь, уже распознаете в подобных концовках примеры как раз тех образцов, которые должны использовать пролетарские интеллигенты в соответствии с задачей, поставленной перед идеологией Лениным и Сталиным. Вставьте это слово «должны» в последнее предложение, и станет ясно, как творилось мировоззрение советского человека: В повседневном словоупотреблении душа по содержанию должна соответствовать понятиям «психика»...

Можно посчитать мои слова придирками и натяжкой, но ведь так и используем! А наши деды так не использовали. Как же случилось это превращение?

Что особенно важно в этом определении – это его основность. Словарь Петровского и Ярошевского вышел в 1985 году и подвел итоги развития всей советской науки о душе, если понимать ее узко как Психологию. И сразу же стал основой для последующих словарей. Новые русские словари психологии, выходящие на историческом переломе третьего тысячелетия, много не ищут и начинают именно с этой площадки.

В 2001 году Словарь Головина:

«**Душа** – понятие, отражающее исторически изменявшиеся воззрения на психику человека и животных; в религии, идеалистической философии и психологии душа – нематериальное, независимое от тела животворящее и познающее начало».

Нет никакого желания читать дальше. Душа, оказывается – это не душа, а понятие. Да к тому же и не о душе, а о психике! Ну, слов нет, а остальное делайте сами.

2003 год, Словарь Копорулиной, Смирновой, Гордеевой, Балабановой:

«Душа – понятие, отражающее исторически изменяющиеся воззрения на психику человека и животных; в религии, идеалистической философии и психологии Д. – нематериальное, независимое от тела начало».

2003 год, Словарь Немова:

«Душа – старое научное понятие, обозначающее совокупность психических (душевных) явлений, лежащих в основе всякого рода движений и изменений, наблюдаемых в мире. <...>

В XVIII веке на смену понятию Д. пришел термин “психика”, и древняя наука о Д. получила название “психология”».

Душа, оказывается, не душа, а старое научное понятие! Ну, Наука хамит! Хорошо еще с мозгами у подобных беззаветных воинов Прогресса не все ладно – уж что-нибудь одно, либо воевать, либо думать. В итоге они допускают огрехи, которые выдают умысел, а значит, позволяют и не попасться на расставленные крючки. Еще мгновение, и я бы поверил, что никакой другой души, кроме научного понятия «душа», нет, да тут звучит: на смену понятию души пришел термин «психика».

Как может термин прийти на смену понятию? Представьте себе, что у вас есть понятие: как читать русские книги. И я даю этому понятию довольно произвольное имя, например, лингвистика. Лингвистика в данном случае – это термин, которым я буду обозначать ваше понятие о том, как читать. Ну, и как мне проделать такое чудо, чтобы мой термин заменил ваше понятие? Как вообще имя вещи может заменить саму вещь или способность? Да никак!

Термин мог прийти на смену только термину. И значит, не было у Науки понятия души, а был термин «душа», которым она изначально обозначала то, что и вошло в искусственное понятие «психика» в XVIII веке. А возможно это только в том случае, если замена была всего лишь заменой одного имени на другое, которому к тому же присвоено обозначение «термин». Иными словами, одновременно с подобными заменами старых понятий, менялись и способы их описывать, чтобы привести все к единой терминологии или запутать возможность вычленивать исходные понятия. Не выглядит ли то, что я говорю, накручиванием усложнений?

А ведь я их не накручиваю, я просто все углубляю в описание явления, которое можно считать творением научного языка. Но именно то, что было связано с задачей запутывания и

приведения в единство, и стало расползаться как простонаучный язык. Именно он и внушает ощущение силы, потому что за ним видно, как повивалось сообщество и плелись договоры о том, как мы видим и описываем мир.

А вот собственно научный язык остается невидимой тенью, потому что он очень точно предназначен для целей научного исследования и, значит, совершенно не пригоден для тех, кто такими исследованиями не занят. Настоящего научного языка нам еще поискать! Если он для исследования души вообще существует.

Глава 2. Общедоступная философия

Я как-то не могу вспомнить ни одного современного учебника философии, в котором встречал главы о душе. Но вот в словарях современные философы о душе пишут. И пишут, надо отдать им должное, гораздо лучше и живее психологов.

Я долго не мог понять, почему же так отличаются эти две науки. Ведь философия в советское время была важнейшим фронтом идеологической войны, а психология – бедным родственником физиологии нервной деятельности, которую, к тому же, едва не прикрыли в начале пятидесятых. Почему психология, в которую партия и усилием-то почти не вкладывала, вся правоверная и выверенная по образцам языкознания? А вот философы какие-то своенравные, и каждый пишет что-то свое.

Потом я поглядел знаменитый сталинский «Краткий философский словарь» и нашел удовлетворяющий меня ответ. Каким-то образом теоретики марксизма-ленинизма упустили душу из рассмотрения и не создали общеобязательного образца для растущей интеллигенции. В этом словаре, ни в одном из четырех изданий аж до 1954 года, так и не появилась статья «душа». Как это могло случиться, я не понимаю, но допускаю, что какой-то чиновник от идеологии причислил в тот миг душу к другому ведомству. И вот философы советской поры не выработали зависимости от предписаний. О душе им говорить, конечно, запрещали, но зато не заставляли врать.

Попытка создать догматическое и общеобязательное для всех философов определение души, конечно, была сделана. Упустить это поле битвы коммунистическая идеология не могла. Произошло это в 1962 году в пятитомной «Философской энциклопедии», которая долгие годы определяла всю жизнь философского сообщества России. Однако, определение это оказалось слабым по своему воздействию на умы русских философов. Думаю, этому было две причины.

Во-первых, оно создавалось во времена «Хрущевской оттепели», когда народная душа жила надеждой на духовную свободу. Во-вторых, создавалось оно А. Петровским и М. Туровским. Марк, или Маркус, Туровский философом был незначительным и, похоже, так и остался до конца жизни кандидатом философских наук. Ко времени создания этой статьи он только что перешел с должности корректора в Первой Образцовой типографии Москвы на должность научного редактора философской редакции «Большой советской энциклопедии». Короче, фигура не авторитетная.

Петровский же вообще был психологом. Примерно в это время он делает подозрительно быструю карьеру и впоследствии даже станет академиком. Но опять же от психологии. В общем, от обоих исходит ощущение неслучайности на идеологических должностях, видимо, они на свои должности попали не за научные заслуги. Но именно это во время «оттепели» и не могло добавить авторитета их определению души. Оно имело весьма незначительное воздействие на умы советских философов. Поэтому я приведу его лишь частично, чтобы наше представление о бытовании понятия «душа» в то время было полным.

«Душа – понятие, выражающее исторически менявшиеся воззрения на психику человека и животных; в религии и идеалистической философии и психологии – будто бы особое нематериальное (независимое от тела) оживотворяющее и познающее начало.

Возникновение понятия души связано с анимистическими взглядами первобытных народов (смотри Анимизм).

В представлениях первобытного человека душа четко не отделяется от тела. Эти представления сложились в результате донаучного, примитивно-материалистического истолкования явлений жизнедеятельности и сознания, в том числе таких, как сон, смерть, обморок и т. п. Не располагая средствами причинного объяснения подобных явлений, первобытный человек принимал их непосредственно воспринимаемую видимость за действительную сущность».

От этого определения так разило «Большой советской энциклопедией» и госзаказом, что даже философы той поры не выказывали радости от того, что про них теперь все знали, что они обладают средствами причинного объяснения тех явлений, которые предки принимали за душу. Никакими такими средствами они не располагали, объяснить ничего не могли и жутко боялись, что какой-нибудь наивный ребенок попросит их объяснить, что такое душа. Поэтому давать эти объяснения они избегали всеми силами души.

Тем не менее, если и можно избежать разговора о душе в учебниках и монографиях по философии, очень трудно обойти его в словарях. Пока философия была в России под надзором, словарей выходило мало, но как только это дело пустили на самотек, запруду точно прорвало, и словари стали выходить один за другим. Большая их часть, правда, о душе говорить избегает. Но кое-кто все же дает ей определения. Что же, в таком случае, может определять их понятия души? Думаю, точка зрения на саму философию, иными словами, их понимание того, в какую историческую линию они выстраивают развитие своей науки. Но по порядку.

Безусловно, и философские словари следует различать по мере их официальности, то есть желания выразить мнение наиболее широкого сообщества, да еще и в связи с государственными нуждами. Поэтому словари, именующие себя энциклопедическими или энциклопедиями, дают определения души, в которых еще узнается что-то от языковедческих или психологических определений. Хотя это, конечно, совсем иной качественный уровень рассуждений.

Для главного философского словаря современной России – «Новой философской энциклопедии» – статью о душе писал матерый философ Ю. А. Шичалин. Поэтому начинается это определение со знакомо-неуязвимого перевода разговора о душе в разговор о понятии души.

«**ДУША** – одно из центральных понятий европейской философии».

И далее – большой и умный очерк истории этого понятия. Я к нему еще вернусь, наверное, но я уже заглянул вперед и знаю, что философы говорят сейчас и прямо о душе, поэтому мне не хочется говорить о ней через зеркало. Все-таки она – не Медуза Горгона, которой нельзя заглядывать в глаза.

«Философский энциклопедический словарь» Губского, Кораблевой и Лутченко определяет душу так:

«**ДУША** (греч. *psyche*, лат. *anima*) – в обычном словоупотреблении совокупность побуждений сознания (и вместе с тем основа) живого существа, особенно человека; антитеза понятий тела и материи.

Научное понятие души: душа – в отличие от индивидуального духа – совокупность тесно связанных с организмом психических явлений, в частности чувств и стремлений. Результат наблюдений над душой анализирует психология».

Вот и понятно, по какому ведомству чиновники от философии числили раньше душу. Психология отлично ее разлагает, нечего философам и соваться в этот предмет. Так что, я думаю, после падения запрета на подобные исследования, философы ощущают себя просто дорвавшимися до живого дела, когда видят перед собой эту красную тряпку.

Последующий исторический экскурс, которым заканчивается статья о душе в этом словаре, я опущу. Мне достаточно и того, что сказано. Разобраться бы и в этом.

Честно говоря, совокупность побуждений сознания (и вместе с тем основа) живого существа, особенно человека, это настолько непростое определение, что хочется сдать. Оно стоит того, чтобы быть помещенным на скрижали простонаучного философского языка, но при этом останется таким же вечно неразгаданным и влекущим, как надписи на вратах Дельфийского храма. Ну и пусть будоражит умы, зачем срывать покровы тайны с такой красоты!

В предыдущей книге я был гораздо добросовестнее, и приводил все, что встречалось по интересующим меня вопросам. Сейчас я чувствую себя вправе пропускать многое, что мне непонятно или просто повторяет уже сказанное. Можно ли, к примеру, считать самостоятельным определением «Современного философского словаря» под редакцией В. Кемерова: «Дух и Душа – религиозно-философские понятия, означающие неведущие начала, в отличие от материального»?

Если вывести суть, то определение это звучит как: душа есть понятие. Уже было. А то, что оно вдруг признано не научным, а религиозно-философским, как кажется, не слишком существенно. Определение души как понятия не есть определение души. В таком случае, если уж философы хотели, чтобы их рассуждения были чистыми, и надо было озаглавливать словарную статью не «душа», а соответствующим именем: понятие души или понятие о душе.

Единственным, из попавшихся мне русских словарей, до конца выдерживающим чистоту философского рассуждения, оказался крошечный Краткий тематический словарь «Философия» под редакцией Т. П. Мяташа и В. П. Яковлева, подготовленный в Ростовском университете. Статья о душе писалась В. Ю. Верещагиным. С ней, наверное, многие философы готовы поспорить или задать несколько каверзных вопросов. Но в том и есть ее ценность, что она позволяет эти вопросы задать, потому что говорит о том, о чем говорит. Она может ошибаться, но она соответствует своему предмету.

«ДУША – особая жизненная сила, нематериальное начало человеческой природы, позволяющее сохранять идентичность антропологической индивидуальности в постоянном потоке сознания, круговороте непосредственных впечатлений и переживаний не только в пределах земного существования человека, но и в вечности.

В античности душа обозначалась различными терминами: пневма, псوخе, фантом, мана, анима, квинтэссенция и так далее, имевшими одинаковое этимологическое истолкование – неуловимая внутренняя сущность, покидающая свою телесную обитель во время сна или после смерти.

Структура души чаще всего представлялась трехсоставной: растительная, чувственная и разумная душа, или, по Платону, имела три иерархизированные части: рациональную, эмоционально-гневливую и похотливую.

В средние века утверждается религиозная трактовка души как божественного начала в человеке, когда в шестой день творения “создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою” (Быт. 2, 7).

Христианская антропология рассматривает человека прежде всего как явление духовного порядка. Душа выступает в качестве своеобразного посредника в отношениях между духом и плотью, в ней кроется основная тайна и смысл жизненного мира человека» (Философия. Краткий, с. 369–370).

Даже если Верещагин во всем неправ относительно самой души, он прав с точки зрения того, как надо о ней рассуждать. И если уж быть до конца последовательным, то вот теперь, после этой статьи с названием ДУША, словарь должен был поместить следующую, с названием ПОНЯТИЕ ДУШИ, где и рассказал бы, как складывалось в человеческом сознании понятие о некоей, условно говоря, вещи по имени «душа».

Для меня очень важно внести это разграничивающее уточнение, ведь я хочу сначала разобраться с собственным понятием души. Но затем мне потребуются подсказки и о том, а что такое сама душа. И лучше, если эти подсказки будут и тех, кто обладает прозрениями, и тех, кто глубоко и последовательно думал об этом.

Глава 3. Общедоступная теология и Научный атеизм

Как вы помните, один из словарей четко определил, какие науки занимаются понятием души. Это Психология, Философия и Теология. Что такое теология?

«Словарь иностранных слов» определяет ее так:

Теология (гр. Theologia – theos бог + logos учение) – богословие – совокупность религиозных доктрин о сущности и действии бога, систематизированное изложение вероучения, обосновывающее его истинность и необходимость для человека.

Философские словари с этим согласны. Вероятно, это верное определение, но оно не учитывает моих ожиданий как обычного человека, живущего в простонаучном мировоззрении. А для меня, как для любого рабоче-крестьянского интеллигента, нет Бога, кроме Науки, и все логики части ее. Иными словами, я ожидаю, что кормилица и утешительница моих душевных потребностей должна была создать ответы на все случаи жизни, какие только могут со мной произойти. И если я захочу что-то узнать про религию или про то, как видит религия душу, я просто возьму с полки учебник соответствующей науки, и он вложит в мою голову все необходимые мне для жизни знания.

И я ищу науку теологию – и не нахожу. А вместо нее нахожу либо какие-то учебники богословия для начинающих, либо Научный атеизм. То есть нечто прямо по названию противоположное Тео-логии или Бого-словию – а-теизм, без-божие, да еще и научное, да еще и учебник! Как научно стать безбожником! Разве недостаточно просто не верить в богов? Нет, потому что задача а-теизма – не отсутствие веры у гекатонхейров, а постоянная война с Богами, то есть как раз обратное отсутствию веры – уничтожение. Но нельзя уничтожать то, во что не веришь. Уничтожать можно только то, что есть. Причем тут вера?

Самое любопытное, что и начальное богословие, которое можно считать простонародным или тем, что проще всего проникает в сознание в бытовом общении и так и остается там, если человек впоследствии осознанно не начинает эти свои взгляды углублять, тоже не занято тем, что я от него ожидаю. Я просмотрел целый ряд современных изданий по православию, призванных нести самые общие представления о христианстве в народ, всякие популярные православные словари, энциклопедии и брошюры. И в них говорится о том, что такое церковь и как себя в ней правильно вести. Но нигде я не нашел раздела, посвященного душе!

Определение «Словаря иностранных слов», оказывается, совершенно точно. Теология – это совокупность религиозных доктрин о сущности и действии бога, систематизированное изложение вероучения, обосновывающее его истинность и необходимость для человека.

Да, это доктрины и систематизированное изложение вероучения плюс описание церковного быта. И ни слова о душе. По крайней мере, ни слова, вынесенного в заглавие.

Я полез в историю предмета и поднял популярные учебники богословия, которые были распространены в России до революции. Они устроены точно так же, как и современные издания для непосвященных. Конечно, слово «душа» наверняка поминается в каких-то из них. Но в одном из самых распространенных в начале девятнадцатого века «Наставлений в законе божием» для одноклассных церковно-приходских школ, написанном архиепископом Агафодором, прямо о душе говорится только в главе «Сотворение мира и человека»:

«Тело человека Бог сотворил из земли и вдунул в лицо его душу разумную, свободную и бессмертную. Этою душою Бог уподобил человека Себе и отличил от животных неразумных» (Наставление, с. 7–8).

Желающий искренне понять, что такое душа, мог после этого всю жизнь ходить с вопросом и разрешать его в мистических домислах. Либо он должен был поступить в Духовную Академию и изучить этот вопрос, как человекс духовным допуском к доктринально сомнительным вещам, занятия которыми могут увести не слишком твердую в веру душу в ересь.

Но ведь не все хотели избрать путь церковного профессионала, где же они могли найти ответ на мучивший их вопрос? В душевспасительной литературе лубочного сорта. И до революции издавалось и сейчас издается множество книжонок, которые Церковь считала полезными, но своим именем не освящала. Они содержали всяческие сусальные рассказы о богословских основах и насаждали вполне определенную нравственность в еще отзывчивое детское сознание.

Так вот они-то как раз в изобилии всаживали в нашу культуру множество собственных домыслов о том, что такое душа и как правильно жить хорошему мальчику или воспитанной девочке. Для примера приведу рассказ из самой последней душещипательной книжонки, вышедшей в 2003 году под потрясающим воображение названием «Философия для детей. (В сказках и рассказах)». Автор М. Андрианов.

Душа там поминается множество раз. Собственно говоря, она и есть основной предмет воздействия всей книги. Я перескажу только раздел, прямо рассказывающий о ней. Но сначала цель, которая называется в перемежающихся сказки и рассказы поучениях родителям, как правильно воздействовать на сознание своего ребенка.

«**Взрослым:** данная тема (а это завершающий рассказ про душу под названием “Кто такие ангелы? (Богочеловеческая ступень развития души)” – АШ) по своей сути – мощный стимул для устойчивого положительного развития ребенка. Перспектива роста души через благие мысли, чувства и дела переходит в романтический результат-вознаграждение: сказочные возможности жизни Ангелов и их помощь людям» (Андрианов, с. 55).

Не могу сказать, что намерения М. Андрианова не благие или что он не знает, что такое «положительное развитие ребенка». Хотя подозреваю, что связи своих слов с Позитивизмом он и сам не разглядел. И уж тем более не осознает, что использовал в качестве важнейшей приманки для душ родителей главную ценность Позитивизма – положительное развитие, – а Позитивизм при этом был ярым врагом религии. Иными словами, как просто хороший человек Андрианов, скорее всего, просто знает, что такое просто хорошо и что такое просто плохо, и зовет людей к добру. При этом немножко уклоняясь в ересь.

Просто знание может быть довольно опасной ловушкой для души, потому что оно бездумно, а значит, и неизвестно кем вложено в наше сознание. Соответственно, я с некоторой настороженностью воспринимаю и его определение души. Кстати, в разделе, посвященном православному богословию, вы увидите, что это определение действительно может считаться еретическим с точки зрения догматического богословия.

«**Душа** – частичка Бога, присутствующая во всем живом; малая часть бесконечно огромной Энергии Любви, находящаяся в сердце человека.

Внимание! При желании родителей можно пояснить различие между духом (искрой Божественного Огня) и душой (психикой, или энергией сознания, собранной духом). Дух вечен, а сознание при духе постоянно находится в процессе нарастания или распада в зависимости от соответствия или несоответствия изначальному импульсу Любви и Единения с Красотой, которым заряжен дух.

– **Степень развитости душ, разумность человеческой души.**

Во всем живом имеется своя душа – маленькая частичка Бога. Но душа человека особенно сильно развита, в ней Энергия Любви во много раз больше, чем в душе растения или животного. Благодаря такой душе человек может поступать разумно, обдуманно и сознательно, с пониманием того, что нужно делать.

– **Где находится душа у человека и для чего она нужна.**

Душа находится в сердце человека и похожа на маленькое солнышко, но увидеть ее почти невозможно, потому что она состоит из энергии.

Как батарейка с электрической энергией нужна для игрушки, чтобы она двигалась, точно так же душа нужна человеку, чтобы он мог сам думать, развиваться, любить других и становиться лучше.

– **Что бывает, когда душа покидает тело.**

Когда душа устает (разряжается), человек засыпает, и, пока он спит, душа набирает сил (накапливает энергию) для нового дня. Если же человек умирает, то душа навсегда вылетает из тела и находится где-то у поверхности земли...

– **Условия нарастания и распада энергии сознания.**

Человеческая душа медленно растет с любовью и добрыми чувствами и уменьшается от злых чувств и плохих мыслей. Чем больше в человеке любви к другим, желания помочь и сделать добро, тем быстрее растет душа, чтобы когда-нибудь вырасти и сделаться душой ангельской» (Там же, с. 53).

Времена меняются, простонаучный язык срастается с простонародным богословием и рождается Любовно-Энергетическое понятие души... (Я посвящу этому особую главу в Уроках очищения.) Недостатки в качестве рассуждения в таком сочинении не рассматриваются. Забыл, как это звучит точно, но, кажется: благими намерениями можно оправдать все.

Переходя от такой теологии к дополнительной к ней науке – атеизму, должен поделиться одним наблюдением. Поскольку атеизм наука несамостоятельная, то она в точности повторяет устройство и подход теологии к изложению своего предмета. Конечно, я говорю о бытовой или самой общедоступной и великотиражной теологии.

Учебники Научного атеизма, который теперь уже стал лишь нашей историей и ушел в глубинные слои сознания, не имели отдельного раздела или глав, посвященных душе. Выискивать в них упоминания о душе приходится строго в соответствии с тем, как говорят о ней общедоступные учебники теологии. Именно общедоступные, потому что Научный атеизм не был наукой о религии или богах, он был частью идеологического инструментария и изучал не то, что в умах профессоров богословия. До них Научному атеизму и дела не было, и руки не дотягивались.

Он обрабатывал массовое общественное сознание. А значит, менял знаки с положительных на отрицательные именно там, где их расставило богословие невысокого полета. Как писалось в подобных учебниках: «Атеистическое воспитание – составная часть коммунистического воспитания» (История и теория атеизма, с. 427). Как видите, у Научного атеизма и у Философии для детей одни и те же цели, только с разными знаками. А это настораживает.

Задачи Научного атеизма вполне прозрачно читаются в его утвержденном идеологами коммунизма определении: «Научный атеизм – это острое идейное оружие, направленное против врагов коммунизма, которые все чаще облачают свою подрывную деятельность в религиозные формы» (Гордиенко, с. 5). Думаете, это тридцатые годы? Война с уклонами и вражескими заговорами? Нет, это 1988 год, учебное пособие для институтов, выпущенное издательством «Просвещение».

Врагов надо знать! Врагом является религия, а религия в своем раннем развитии проходит три стадии: фетишизм, магию и анимизм. Тут-то и зарыта эта собака, то есть душа.

«На более позднем этапе развития появляется **анимизм** (от лат. Animus, anima – дух, душа) – вера в душу и духов, сыгравшая значительную роль в формировании представлений наших далеких предков о сверхъестественном.

Анимизм сложился лишь после того, как у человека появилась способность к формированию понятий. На этой стадии создалась возможность для иллюзорного удвоения мира на реально существующий и сверхъестественный» (Научный атеизм, с. 36).

Вот где именно она зарыта! Вот откуда эта необоримая тяга научных и толковых словарей считать, что душа – это понятие, и относить его к психологическому ведомству. Удвоение мира в иллюзиях!

Что же я из этого почерпну? Либо то, что дальше хода нет, потому что стена, либо то, что мой мир как-то удвоили, поставив передо мной стену, поскольку владели уже этим на своем этапе развития. Но не иллюзорна ли эта стена, за которую ничего душевного не уходит?

Глава 4. Религиоведение

С уходом Советского Союза и коммунистической идеологии в русском обществе начались изменения. В частности, у нас больше нет Научного атеизма, зато появилось Религиоведение. Именно оно и будет теперь внедрять в наше сознание расхожие понятия. В том числе и протонаучное понятие о душе.

Учебники Религиоведения пишутся, конечно, совсем не так, как учебники Научного атеизма. В состав авторов приглашаются люди свободомыслящие и даже священники и богословы. Но в целом Религиоведение – это наука, и задачи у нее научные. Главная из них – стать разговорной оболочкой для религиозных представлений, чтобы людям неверующим было понятно, как себя вести с Церковью и верующими людьми. Вторая задача – создание проблемы из диалога Науки с Религией. Так оно и звучит, как в старых советских изданиях – проблема диалога между...

В общем, это все та же война за власть над миром, но перешедшая в хроническую или холодную стадию, когда приходится как-то уживаться с врагом, который никак не хочет помирать.

Для нас все это означает, что оценивать религиоведческое понятие души нужно строго по научным канонам. И это упрощает и усложняет дело одновременно. Упрощает оно для меня, то есть для исследователя, который знает, что Наука заявляет в качестве своего метода, и может сверить действительность с обещанным. А вот для людей научного склада ума все усложняется неимоверно.

Судите сами. Если ты освоил язык Науки, если ты принял его как свой язык, то ты начинаешь в него верить бездумно и принимаешь все наукообразные высказывания как истинные, узнавая их не по сути, а по внешним признакам. Ты просто доверяешь тому, кто говорит правильно, то есть научно, и в итоге съедаешь любую «грязь» в рассуждениях. Так жить проще, иначе придется усомниться слишком во многом, к тому же могут пошатнуться самые исходные основы мировоззрения. Лучше держать глаза закрытыми на мелкие огрехи.

Мелкие огрехи чаще всего есть лишь отражение какого-то скрытого порока, которым ты же и болен. И выбор тут не такой уж невинный. Выбор этот, если вдуматься, означает отказ от души. Поэтому давайте все-таки взглянемся в то, как строит саму себя наука Религиоведение. Я просто пригляжусь к ее собственным определениям и рассуждениям с точки зрения их соответствия заявленным подходам и действительности.

Что же представляет из себя Религиоведение как наука? Вероятно, самым качественным ее учебником сейчас является «Религиоведение» под редакцией А. Солдатова. Но как бы наукообразно ни выглядело это пособие, его научная суть, так сказать, основной научный нерв, на котором строятся все рассуждения, содержится в одном абзаце третьей главы «Философия религии». И выглядит это рассуждение весьма откровенным и очевидным.

«Поэтому гораздо более наукообразной, а потому и более привлекательной, выглядит точка зрения представителей так называемой естественной религии, или деизма, которые под вероучением понимают тот минимальный набор вероучительных положений, который присущ всем историческим религиям. Этот набор определяется следующим образом: сравниваются вероучения всех известных религий и отбрасываются все разногласия, остаток и есть искомый минимум.

В этот минимум входят следующие вероучительные положения: признание бытия Бога (или нескольких богов – в политеистических религиях), признание бессмертия души, признание абсолютности нравственных норм» (Религиоведение, с. 85–86).

Вот и все. Четко и определенно: путем сравнения различных религий выводится обязательный минимум, составляющий ядро любой религии. Если мы – религиоведы, то мы не можем этого не учитывать. Выглядит непререкаемо.

В минимум же это входят всего 3 части: **Бог, Душа, Нравственность.**

Что это значит с точки зрения наукоучения или построения науки? То, что весь учебный курс должен строиться как разворачивающееся описание этих частей. Ведь заявлено просто и определенно: видение религий, то есть знание того, что такое религии. Если хочешь знать, – описывай то, что есть. Никакие другие задачи таким названием не заявляются. А значит, если они и стоят перед Религиоведением, то стоят скрыто от тех, кто доверчиво берет его учебники.

Что же на деле? Как строятся учебники Религиоведения? Думаете, они описывают эти три составные части религий? Как бы не так! В них есть все, что угодно, но только не четкое и понятное любому читателю выражение из простой и понятной основы-минимума. Множество различных разделов, но ни раздела прямо посвященного понятию «**Бог**», ни тем более раздела «**Душа**» в них нет. Зато обязательно есть раздел, посвященный **Морали** или нравственности. Что это может означать?

Во-первых, то, что Религиоведение решает какие-то иные задачи, чем познание религий. И эти задачи есть выражение скрытых в общем беспорядке целей. Вероятно, общественных. Потому что, и это во-вторых, нравственность, мораль или этика – это всегда науки о том, как управлять обществом через нравы или правила поведения. Означает это то, что Религиоведение, как и Научный атеизм в его время, выполняет все тот же «социальный заказ» государства – выискивать любые рычаги управления народными массами через внедрение в их умы правильных образцов мышления и поведения.

Вот таково Религиоведение как наука.

Что же касается понятия души, то оно по-прежнему в загоне. А поскольку Религиоведение – преемник Научного атеизма, то в незначительных вопросах, вроде вопроса о душе, оно еще не успело себя подштукатурить и откровенно повторяет соответствующие находки предыдущей идеологической эпохи. Поэтому о душе, если не считать мелких оговорок авторов, которые, что называется, к слову пришлось, почитать можно по-прежнему в разделе про Анимизм.

Приведу эти мысли как можно подробнее, чтобы отпала необходимость ради них тратить деньги на толстые книги.

«По мере того, как углублялось представление о различии природного, вещественного, телесного и идеального, духовного возникает вера во всеобщую одушевленность – анимизм (лат. Anima – душа), что позволяло провести качественное различие между живым и мертвым, то есть обладающим душой и покинутым ею. В силу конкретности первобытного сознания человеческая душа представлялась не как некая духовная субстанция, а как вещь, которую можно было украсть, спрятать и даже уничтожить» (Там же, с. 141).

Что в этом примере изящного слога остается для меня загадкой – это то, как автору удается за «конкретных первобытников» знать, что у них происходит в сознании? Чтобы мое удивление стало понятным, попробуйте понять, зачем использовано слово «конкретность». Для этого переведите его на русский язык.

Тут словари не помогут. Тут проще понять, что конкретность понимается как противоположность абстрактности. А попросту означает, что тогда люди еще не могли придумывать никаких сложных объяснений тому, что видели. На выдумку были не горазды. В общем, что видели, то и пели. Ну, а теперь подставьте это в рассуждение религиоведа, и вы поймете, что при таком звучании станет совершенно неуместным объявление тех людей верующими. Какая же это вера, если ты просто видишь то, о чем говоришь. Ты живешь в действительности, а не в вере или убеждении.

Это автор верит или убежден, что они ничего не видели, а так пытались объяснять нечто необъяснимое для их излишне простых умов. Вот теперь, когда наши мозги усложнились, мы можем очень хорошо себе объяснять то, что старики были неправы, когда видели то, что видели!..

В общем, если так прямо все называть русскими словами, читатели, пожалуй, увидят то, что есть, а не то, в чем хочет убедить их идеолог. И тогда ни соцказ, ни скрытые цели не сработают, поэтому он и вставляет иностранное слово «конкретность». Теперь вы смотрите на написанное, и ничего не понимаете. И остается не видеть, а верить или доверять умному человеку, которого, правда, понять нельзя, зато можно запомнить.

Ну, а от всех разговоров о душе после такого чтыва ты сбежишь, потому что от них с души воротит. Вот вам и скрытая цель!

Продолжим изучение религиозного понятия о душе?

«Похищение души злым духом влекло за собой болезнь или смерть. Поэтому колдуны племени даяков о. Борнео при помощи особых ритуалов “извлекали” душу новорожденного и прятали ее в безопасное место до тех пор, пока ребенок не подрастал, а шаманы Аляски “помещали” душу больного ребенка до его выздоровления в амулет. Пока душа, понимаемая как жизнь, оставалась в целостности и сохранности, человек был жив и здоров, но если душе причиняли ущерб, он мог заболеть и умереть» (Там же).

Религиовед может быть трижды прав, но когда я читаю эту сквозящую сквозь его строки издевку над примитивными недоумками, которыми являются и мои предки, я понимаю одно: здесь решается задача, как сделать древние верования посмешищем «всех просвещенных людей»! И доколе решается она, не может быть и речи о чистоте иных рассуждений, которые ведутся параллельно, и уж тем более о каком-то исследовании того, что же было в действительности. Все уже решено и даже осуждено! Приговор окончателен, вынесен от лица Прогресса, и обсуждению не подлежит!

«Нередко душа отождествлялась с такими жизненно важными процессами, как дыхание, кровь, а впоследствии представляла как призрачный двойник человека или его тень. Большей частью невидимая и неосязаемая, она тем не менее могла вступать в физический контакт с человеком, влиять на его жизнь, а при особых обстоятельствах являться ему.

У некоторых народов бытовало представление о множественности душ. Индейцы племени Дакота верили, что у человека четыре души: одна остается в теле, вторая – в его селении, третья отлетает в воздух, четвертая – в страну духов.

Местом обитания человеческой души могли быть тотемные растения и животные, определенные части тела человека. Так, у многих народов считалось, что душа находится в волосах человека, и если их обрезать, то человек утрачивает жизненную силу. Отголоски этих верований встречались еще в средневековой Европе: у обвиненных в колдовстве перед казнью сбривали волосы не только на голове, но и на теле.

После смерти человека душа обычно отправлялась в загробный мир, где встречалась с душами умерших соплеменников и духами предков. В архаических обществах загробный мир мыслился как копия земного, но жизнь там легче и приятней. Австралийские аборигены были убеждены в том, что по прибытии в загробный мир дух умершего, независимо от возраста, становится молодым человеком, здоровым и уравновешенным, он счастлив, спокоен и живет в согласии с соседями. Зулусы в своем загробном мире охотились, пасли скот, доили коров, одним словом, вели обычную жизнь.

Иногда души умерших переселялись в души живых детей своих потомков, поддерживая тем самым преемственность и связь поколений, или в души животных, которые считались тотемными предками. Так в некоторых классических мифологиях и религиях возникает идея реинкарнации, или метампсихоза, то есть переселения душ» (Там же, с. 142).

Мне не хочется продолжать рассказ о Религиоведении. Его задачи прозрачны. Давая лишь поверхностное описание того, что связано с понятием души в разных обществах, оно не преследует цели познать или понять. Цель его ясна: привести в одном отрывке текста как можно больше противоречивых воззрений, чтобы стало очевидно, что все подобные взгляды не отражают какого-то единого понятия. Раз описания столь разнятся, значит, их придумывают, а не наблюдают. И придумывают все первобытные люди исходя из условий своего существования.

Да различия, безусловно, есть. Особенно если сталкивать между собой не сами представления, не действительное видение древних, а отрывочные записи об этом видении европейских миссионеров и собирателей. Но даже при таком подходе остается вопрос: если все это выдумки, то почему же без них не обошелся никто из древних? И тогда начинаешь поражаться уже не тому, как же по-разному они видели, а тому, насколько же сходно это видение души у всех людей, раскиданных по Земле.

А расхождения? Что ж, расхождения надо исследовать. Быть может, как раз в них-то и хранятся важнейшие подсказки.

Круг третий

Научное понятие души

Что дало мне путешествие по первым кругам? То, что я теперь представляю, где можно вести поиск и что я там могу найти.

Так, например, ясно, что в Науке речь большей частью пойдет не о душе, а о понятии души. А в Религии о душе, но так, как видит ее определенная Религия. В народной же культуре понятие о душе складывается из множества наблюдений над тем, что узнавалось как душа. Но никаких попыток свести эти наблюдения в какое-то цельное описание души, похоже, не делалось. Во всяком случае, собиратели народного языка сохранили нам лишь множественные имена для различных черт, свойств и способностей души. Но в языкознании нигде не упоминается ее описание, сделанное народом. Возможно, оно было сделано этнографией, но я до нее еще не дошел.

С чего же начать? Конечно, с того, что дальше от предмета моего поиска. Потому что к такой вещи, как душа, подходить надо с чистым сознанием. Иначе я наложу на ее восприятие лишние знания, отягощающие мой ум.

Значит, дорога моя лежит в этом круге в слой Научных понятий о душе. Они самые поверхностные, потому что Наука не только старалась избегать прямого рассматривания души, но она даже не занималась ее понятием. Это может показаться странным, ведь почти во всех рассмотренных мною определениях как раз и звучало, что душа – это понятие. Не попадитесь на эту иллюзию прямого соответствия. Когда звучит, что душа – это понятие, означает это, что речь идет не о выведении понятия души, а о выведении понятия «понятие души».

Разбирайтесь в этой казуистике сами. Я не собираюсь делать прямым все то, что кто-то сделал кривым. Но для того, чтобы родилось понятие души нужно поставить себе целью описывать не его черты, а ее. То есть не черты понятия, а черты души. Именно из черт предмета и рождается его понятие, которое внутренне ощущается пониманием. Следовательно, исследование Научных представлений о душе пойдет как некое двойное толкование или перетолковывание рассуждений Науки.

Но с этим я как-нибудь справлюсь, поскольку пойду опять путем очищения от того, что меньше въелось в мое сознание.

Единственное, о чем еще я хотел бы предупредить, это то, что говоря сейчас о Науке, которую намерен разбирать в этом круге, я говорю в действительности о тех трех Науках, кому душа была отдана на откуп как их предмет, – Психологии, Философии и Теологии именно как науке.

Однако, кроме них существуют и другие науки, которые очень много сделали для действительного изучения души, как, например, этнография, фольклористика, языкознание. Но о них – особо. Пока – психология.

Глава 1. Психология души. Шабельников

Само словосочетание «психология души» звучит странно. Душеведение души! Либо это должна быть просто психо-логия, либо тут какой-то обман.

Тем не менее, такое словосочетание существует, и недавно даже появилось сочинение с таким названием. Выпустил его доктор психологических наук Виталий Константинович Шабельников. Честно признаюсь, я считаю появление этой работы очень хорошим знаком. Означает она то, что психологи начинают движение «назад к душе», которое объявил ведущий психолог России Владимир Зинченко. Но о Зинченко позже.

Да и работа сама по себе значительно более высокого качества, чем это обычно свойственно работам психологов. В сущности, прекрасная работа! И все же обман в ней есть. Обман этот даже двойной. Первый – с точки зрения наукоучения или построения строгой науки. Наука эта пока получается «кентаврическая», то есть искусственно сшитая из двух неродных частей. Второй обман в подмене, которую изящно или грубо производит Виталий Константинович, когда переходит от разговора о душе к разговору о психике. Изящно или грубо, судите сами, когда подойдем к этому разговору. Сначала о психологии души как науке.

Двойственность ее проявляется во многом. К примеру, отчетливо разнятся вводные и заключительные части и сердцевина. В сердцевине Шабельников дает развернутую карту пути к душе – что-то вроде того же самого рассказа об истории предмета, что приводили наши энциклопедии. Карта Шабельникова, конечно, гораздо лучше старых карт хотя бы уже одним тем, что подробнее и написана без идеологической предвзятости. Но это карта пути, ведущего не к душе, а к понятию души, как его понимает автор.

Введения и заключения же посвящены совсем другому. Это самостоятельное исследование того, как же Психологии выжить в изменившихся условиях. Попросту говоря, это идеологическое обоснование научного приспособленчества, к тому же с фигой в кармане: мы, конечно, можем поговорить и о душе, раз покупатели заказывают, но сами-то мы всегда будем убеждены, что истинно не то, что истинно, а то, что научно!

Огрубляю, конечно. Может, даже обижаю хорошего человека, но не вру, не передергиваю. Смотрите сами.

Вся книга начинается с основания, которое вызывает уважение к обозначившему его исследователю и раскрывает душу для трепетного ожидания:

«В развитии психологии существует некий, пока еще глубоко не осмысленный, парадокс. Согласно своему названию, психология (psyche – душа, logos – учение, наука) должна быть наукой о душе.

Как особая отрасль науки психология оформляется в XVII и XVIII веках, отделяясь от теологии и философии. И первое, и, пожалуй, основное, что произошло в психологии при ее становлении, – это ее отказ от изучения души» (Шабельников, с. 3).

Это очень ответственное заявление, которое улучает искателей истинной психологии. Однако далее, за небольшим очерком истории психологии, который я опускаю, начинаются игры патриотов.

«Отказ психологии от изучения души объяснялся довольно просто. Душа – это вещь невидимая, ненаблюдаемая и неизмеряемая. А психология – наука строгая, серьезная и точная. Поэтому решили изучать что-нибудь такое, что можно было бы и наблюдать и замерять.

В XVII–XVIII веках в качестве наблюдаемого предмета психологии были выбраны идеи, образы, ощущения, мысли и прочие явления сознания. Двести лет психология изучала сознание и создавала строгие концепции по образцу механики как точной науки. Но уже к началу XX века оказалось, что нужной точности в самонаблюдении достичь невозможно. То, что одни видели как факты сознания, другие просто не замечали и отрицали. Поэтому в XX веке от

изучения сознания психологи перешли к изучению поведения: его можно не просто наблюдать изнутри, но и фиксировать на пленку, строго замерять по секундам или метрам движения.

Однако XX век, позволив достичь вершин в изучении поведения, поставил и ряд задач, не разрешаемых в рамках традиционной психологии. Психология вышла из кабинетов мыслителей, предававшихся радостям и мукам самонаблюдения. Масса напряженных психологических проблем вовлекла психологов в работу в клиниках и психологических консультациях, школах, тюрьмах, в армии и на предприятиях.

Стало ясно, что почти триста лет теория психологии убежала от своих главных вопросов: о происхождении и природе психики, о реальных механизмах формирования сознания, мотивации и способностей личности» (Там же).

Ну, как? Если вы заметили, как была подменена козырная карта, значит, Шабельников сработал грубо, а если не заметили, то изящно. Начали мы с парадокса, с сетований на то, что психология отказалась изучать душу! И из страстной охоты выглядеть точной наукой чего только не изучала. А вышли к тому, что с тем же жаром сетуем теперь, что триста лет сбегает эта противная психология от того, что не хочет изучать психику! Может быть, психика – это и есть душа?

Сейчас мы взглянем в то, что думает об этом сам Шабельников, однако и без этого очевидно, что с нами о такой замене не договаривались. Нам ее подсунули как само собой разумеющуюся. К тому же, в последнем высказывании ясно видно, что для автора главными вопросами психологии являются два: психика и что-то путанное про личность. Собственно душа сюда не попадает. Личность – не душа. Личность – слово русское, с ним все ясно. А вот в психику, как в рукав фокусника можно спрятать все, что угодно. Что такое психика?

Свое исследование того, что ученые понимают под психикой, я провел в предыдущем томе, и оно с очевидностью показало, что при всей неразберихе в этом вопросе, единственное, что скрывается за этим таинственным словом – это работа нервной системы. И никак не душа. А что скажет сам Шабельников? Благо он посвящает психике целый параграф на полтора листа размером. А скажет он нечто не совсем вразумительное, поскольку никак не вяжется ни с уверенным объявлением психики главным вопросом психологии, ни с подменой ею души. Если же это не бред, то анекдот из разряда черных, про сладострастные мысли вивисектора о том, как он будет анализировать и разлагать эту вредную душу, из-за которой его наука разваливается.

«**Психика.** Было бы хорошо заранее поделить психику с разными ее сторонами или свойствами между разными науками и закрепить это деление юридически, чтобы каждому мирно есть свой кусок познания. Но здесь мы обнаруживаем полную неясность наших представлений о психике. Делить пока можно только разные словесные конструкции и заумные определения, за которыми не обнаруживается сколько-нибудь ясной и устойчивой реальности» (Шабельников, с. 9).

Я понимаю, что Виталий Константинович таким образом горько шутит над своей несчастной наукой. Но при этом он все же забывает о цели исследования, которую заявил в названии работы. Он забывает о науке души. Вот почитайте дальше, чем он занят:

«В житейских определениях психика обычно характеризуется перечислением нескольких психических процессов: “Психика – это наши чувства, мышление, ощущения, память и т. д.”. Когда же встает вопрос о том, что собой представляют эти самые чувства, память и мышление, то они сами прежде всего характеризуются как психические процессы. То есть логический круг замыкается, и мы приходим к тому же термину, от которого отправились в путь. Здесь мы можем сколько угодно совершать движение от А к Б, а от Б – снова к А: “психика – это мышление, память, эмоции и т. д.”, а “мышление, память, эмоции и т. д. – это психические процессы”».

В строгих научных определениях психики подкупает их полная неясность и опора на такие исходные объясняющие образы, из которых уже вообще ничего нельзя понять» (Там же, с. 10).

Так и хочется подхватить автора: да! да! Именно такой бред и составляет всю современную психологию!

Но где же выход, и зачем мне подхватывать борьбу с бредом, не лучше ли заняться своим делом? И я задаю вопросы: как же автор, у которого явно и у самого полное непонимание того, что такое психика, мог так уверенно подставить ее на место души? Да и что с душой, если уж возвращаться к началу?

А к душе мы возвращаемся внезапно, точно слетев то ли с американских, то ли с русских психологических горок. Вот так поругав психологию за полную недееспособность, автор вдруг заявляет:

«В XX веке психологи уже немало сделали для решения и проблемы определения судьбы, и проблемы природы души.

Проблемы эти решаются в разных школах с помощью разных понятий» (Там же, с. 12).

Из этого я делаю лишь один вывод – все-таки, говоря о психике, Шабельников считал, что говорит о душе. А второй вывод я делаю из того, что дальше он говорит о гегелевской и марксистской психологии. Он считает, что и во времена марксизма психологи занимались душой. Это видно и по вводным главам. Но особенно режущим глаза убеждение в том, что он должен сохранить всё предыдущее научное наследство, становится в заключительном разделе. Я приведу несколько выдержек из последней главы «Трудный путь к психологии души».

Уже одно такое название должно внушить, что научная психология развивается в сторону психологии души, что, наверное, можно бы назвать более естественным для русского человека словосочетанием наука о душе. Сам Шабельников, правда, отказывается писать о последних веках этого развития, предположительно, оставляя их для следующей книги. В этой он начинает рассказ об изучении души с Вед и завершает Гоббсом и Локком. Но именно в последней главе он намечает путь от ассоциативной психологии к современности.

Я опущу то, что относится к Европе, и приведу рассказ о непосредственных предшественниках Шабельникова в его битве за науку о душе.

«В XX веке психология обращается к проблеме формообразования и развития психики. В генетической психологии Ж. Пиаже и психологической школе Л. С. Выготского (1896–1934) проводятся исследования закономерностей развития психики и создаются концепции о ее природе и происхождении. Психоанализ Фрейда, школы психологии Пиаже и Выготского стали разными направлениями генетической психологии, восстанавливающими представления о детерминирующих основах развития психики и личности человека.

Где-то в силу идеологических ограничений и предпосылок, а где-то и в силу научной традиции, психологи не стремились восстановить в психологии статус понятия “душа”, столь значимый в религиозных и философских концепциях прежних веков. Однако представления из прежних концепций души в той или иной мере присутствовали в теориях генетической психологии. <...>

Выготский, творивший в условиях жесткого контроля со стороны коммунистических идеологов и не имея возможности опираться непосредственно на концепцию Гегеля, не разрабатывал идеи о воплощении абсолютного и объективного духа в психике индивида, да и вообще не мог использовать понятие “душа”.

Однако ему удалось конкретизировать в психологии теорию социальной детерминации психики и разработать представление о формировании психики ребенка в нелокальных интерпсихических взаимодействиях между людьми.

Аристотелевский образ души как функциональной активности развивается и в концепции А. Н. Леонтьева о деятельности как о формообразующей основе психики и личности» (Там же, с. 236–237).

Какая постыдная подмена, подтасовка совершается профессором Шабельниковым в этих строках! Как зря выйдет его следующая книга, если в ней он попытается доказать то, что заявил здесь.

Никогда, ни сном, ни духом, не говорили о душе ни Выготский, ни Леонтьев. Оба они были искренними марксистами, к тому же готовыми порвать других марксистов за отступления от чистоты теории. Какое уж там давление со стороны идеологии! Они и были той идеологией, что давила.

А уж высказывания о жестком контроле, который был за творчеством Выготского, вообще не к лицу историку философии. Все это байки и творение мифов для обработки общественного мнения. Впервые его начали критиковать лишь в 1932 году. А что же он так стерильно молчал о душе все предыдущие годы? Боялся? А чего? Психологов же до конца двадцатых вообще никто не замечал. Вот свидетельство академика Артура Петровского:

«К концу 20-х годов внутрипартийная борьба уже превращается в уничтожение одной части партийной элиты за счет подъема другой. Однако жизни психологической науки, казалось бы, еще ничего не грозило.

Но вот наступил 1929 год, все стало быстро изменяться. Недаром Сталин его назвал “год великого перелома”. Вот с этого момента и оказалась под ударом уже судьба не отдельных ученых, а науки в целом, ее основных отраслей и разделов» (Петровский, с. 22).

Ну, а действительные преследования ни Выготского, ни Леонтьева вообще не коснулись. Выготского потому, что его уже не было, когда они начались:

«Самый тяжелый для нашей науки перелом – это был 1936 год. Именно тогда вышло постановление ЦК ВКП(б) “О педологических извращениях в системе Наркомпросов”. Вот с этого момента психология попала в застенки» (Петровский, с. 24).

А Леонтьева потому, что он стал к тому времени таким искренним марксистом, что ему впопыхам было самому преследовать других.

В общем, все, что касается Психологии души – это либо натяжки, либо откровенная попытка выжить в новом мире, невзирая на средства или истину. И мне жаль, что такое хорошее начинание, как пересмотр психологами своего дела, начиная с самых оснований, свелся в каком-то смысле к шулерству. Но это что касается науки целиком. Здесь у доктора наук мог сработать какой-нибудь «психический механизм», вроде материнского чувства, и он бросился защищать гибнущее сообщество, не заботясь о собственной жизни или оценке. А что у него самого не с психологическим, а собственным понятием о душе?

Я приведу несколько выдержек из первого раздела исторической части, посвященной взглядам на душу в разных обществах и культурах. Раздел этот посвящен представлениям о душе в философии и религиях древней Индии.

«Развитие представлений о природе души определяется прежде всего теми функциями, которые эти представления выполняют в организации жизни» (Шабельников, с. 14).

Правда, вам понравилось? Вы ведь все поняли? Ну, хотя бы, зачем все это сказано? Нет? Но ведь иллюзия понятности абсолютная! Вот это и есть простонаучный жаргон. Попробуйте перевести все непонятные слова на русский, и всё расплывется невнятицей. Ну, а так создается ощущение, что что-то сказано. Что такое организация жизни? Как природа души может определяться какими-то функциями? Ничего не понимаю, кроме одного: это настоящая наука! Сюда с серыми народными мозгами соваться не стоит. Лучше сразу сдать и ждать, когда мне

принесут решение на блюдечке. Попросту говоря, не задавать лишних вопросов и читать со вниманием.

«Выделение из потока впечатлений о мире такого непростого образа, как душа, построение определений души, разработка представлений о ее природе, ее связи с детерминирующими силами космоса, о значимости души для человека и о технологиях правильного поведения, связанных с природой души, – все эти трудоемкие умственные процедуры производились множеством людей на протяжении тысячелетий. На каждом этапе истории человеческой мысли возникали свои особые проблемы, и их конкретное содержание задавало векторы, в направлении которых строились представления о душе» (Там же).

Я впечатлен и даже потрясен тем научным подвигом, что совершает ради меня автор, производя бесчисленные трудоемкие умственные процедуры в борьбе с особыми проблемами, конкретное содержание которых задавало векторы, в направлении которых и приходится строить представления о душе...

Честно скажу, все остальные процедуры описаны в книге тем же языком искусственного интеллекта. Я вполне принимаю его, когда речь идет о психике. Но вот о душе это все звучит как-то неестественно. А может, психология души – и действительно не о душе?

Глава 2. Психология без души

Разбередил мне душу профессор Шабельников. С одной стороны, я, мне кажется, чувствую, как у него самого душа болит за любимое дело. А с другой, получается, что он четко идет по дороге, высланной благими намерениями. Он вроде бы хочет, чтобы душа вернулась в психологию, но на деле лишь убивает ее окончательно, убедив несведущих читателей – книга-то популярное учебное пособие – в том, что то, что изучает психология, и есть душа. Расслабьтесь и не сопротивляйтесь, пока вас зомбируют!

Да не душа это – психика. И подмена неоправданна. Даже с точки зрения греческого языка, слово «психика» производится не от слова «психе» – душа, а от слова «психикос», то есть душевный. И это уже первый шаг в предательстве. Душу выкидываем, а изучаем лишь ее проявления. Какие? Какие посчитаем удобными для изучения. А затем добавляем модной мути – психические процессы – и все вообще становится научным и недоступным пониманию. Как завершение книги Шабельникова:

«Психология стремится строить конкретные представления об организации психики и формирующих ее систем. Психологи XX века, исследуя эти системы, обратились, по сути, к той реальности, которая соответствует и древним, и христианским представлениям о душе.

Но если философия и религия решали вопросы души, не беря на себя задачу исследования конкретных форм ее организации, то психологи должны были строить по возможности точные представления о детерминирующих человека процессах и законах функционирования.

Психология XXI века выходит в изучении этих процессов за пределы социальных систем, выясняя логику биосферной и космической детерминации жизнедеятельности человека. Изучение этой логики – задача будущих исследований, призванных раскрыть субъективность процессов, порождающих человека и делегирующих ему способности и качества субъекта» (Шабельников, с. 237).

Это какая-то жуткая и пугающая душу провокация. Я хотел писать о душе, но после этого вынужден сделать отступление и показать, как психофизиологи XIX века убивали душу в человеке, а психологи века XX-го вытравливали народную душу. И вот теперь Психология, похоже, угрожает уничтожить душу на биосферном и космическом уровне.

Давайте кратко, но честно пробежимся по истории того предмета, который выдается Шабельниковым за психологию. Он начинается в России в самом начале 60-х годов XIX века работами Чернышевского и Сеченова, определяющими, какой должна быть наука о душе без души. Затем это дело подхватывает Ланге, создающий эмпирическую психологию, про которую первым и начал говорить как про «психологию без души». Нечто подобное чуть позже проделает А. Введенский, создавая «Психологию без всякой метафизики». Этими уточнениями они как раз и хотели показать, что их психология – это уже не наука о душе, а наука о психике, но с сохранением старого имени.

Однако примерно в то же время появляются ребята не столь щепетильные, вроде Бехтерева и Павлова, которые в гипотезе души не нуждаются настолько, что даже не считают нужным использовать старое имя для своих рефлекторных механик биомашин по имени человек.

Затем происходит революция, и после нее приходят еще менее щепетильные парни, вроде столь превозносимой Шабельниковым команды Корнилова – Выготский, Лурия, Леонтьев, – которые настолько свободны от предрассудков, что еще откровеннее заявляют: а что хотим, то и творим! Мы победители! И будем по праву сильного отбирать все, что посчитаем подходящим: институты, науки, имена. Например, имя психологии.

И никакие попытки выискивать у них скрытое понимание психики как души, хотя бы в Аристотелевском смысле, неоправданны. Более «бездушных» психологов, чем команда Выгот-

ского, сейчас уже не найти. Просто они недоступны – из-за серости мысли их даже не переиздавали.

Так что благой порыв профессора Шабельникова на поверку оказывается, мягко говоря, обманом, уж не знаю, намеренным или от душевной сумятицы. По крайней мере, по отношению к современному русскому читателю, который не знает всей истории научного сообщества, это так. Да и сами классики советской психологии весьма возмутились бы таким вольным пониманием своего психологического марксизма и материализма. Они и по меньшим поводам возмущались.

Но все по порядку. Сначала прадедушка бездушной психологии.

Глава 3. Начало бездушной психологии. Чернышевский

Душу в России убивали во имя Прогресса. И убивали ее всегда Прогрессоры, которых я называю горными стрелками, то есть охотниками на души. Это одна из специализаций русской интеллигенции, подобная горным егерям – войскам, подготовленным к ведению войны в условиях высокогорий.

Если говорить о прогрессорстве, то начало его теряется, пожалуй, еще в смутном времени призвания варягов. Поэтому я ограничусь разговором лишь о том времени, когда Прогрессоры охотились именно на душу. Началось это в середине XIX века, а уж если пытаться определить самую яркую дату, то в 1860 году, когда журнал «Современник» опубликовал работу **Чернышевского «Антропологический принцип в философии»**. Именно после него интеллигенция разворачивает все нарастающую травлю «реакционеров», вроде Кавелина, Юркевича, Самарина.

Как писала об этом советская «Философская энциклопедия»: «Сделавшись одним из редакторов “Современника”, Чернышевский превратил журнал в ведущий орган нарождавшейся революционной крестьянской демократии... Революционно-демократическая публицистика Чернышевского, разоблачавшая грабительский характер крестьянской реформы и пропагандировавшая идеи социализма и революции, философию материализма и атеизма, вызвала тревогу в лагере помещичьей реакции».

Как всегда, коммунистические идеологи не совсем чисты на руку, потому что реформа произошла в 1861 году, а война с религией и против души уже велась демократами раньше этого срока. Но для того, чтобы это стало ясно, нужно понять, что скрывалось за таким симпатичным названием, как «антропологический принцип». Слишком часто мы попадаемся на слова, вроде «демократия» или «гуманизм», предполагая, что их используют в том же значении, в каком понимаем и мы сами. А что понимал под этим принципом Чернышевский? Наверное, что-то хорошее для человека?

Понимал он особый вид борьбы с религией, который развивали материалисты еще с семнадцатого века, а в данном случае тот, который разработал Людвиг Фейербах. Он-то и был принесен в Россию Чернышевским и Петром Лавровым. Как обычно, суть этого учения спрятана под наукообразной оберткой, чтобы не резать глаз. В той же «Философской энциклопедии» в 1960 году ему была посвящена большая статья, что подчеркивало важность этой темы для идеологии коммунизма. Вчитайтесь:

«Антропологический принцип является составной частью материализма 17–18 веков. Создавая механическую картину мира, Спиноза, Дидро, Гольбах и другие рассматривали сущность человека как нечто неизменное, подчиненное общим законам природы. Антропологический принцип наполнялся революционным, гуманистическим содержанием; феодально-монархический гнет и религия объявлялись противоречащими равной, одинаковой “естественной природе” человека, и таким образом обосновывалась правомерность их устранения».

Как любопытно! А я всегда считал, что гуманистическое содержание – это вовсе не то, что обосновывает мое право свергать существующую власть. Впрочем, это все мелочи, главное, что цель обозначена предельно четко – захват власти в мире путем уничтожения религии и смены феодалов, возглавляемых монархами, на кого-то еще. На кого? Наверное, на себя. Но кто это? Буржуазия. Исторически она меняет феодалов у власти. Значит, и заказ Науке на освобождение «свята места» делала она. Она и платила, надо полагать, как богатый заказчик.

Что же касается действительно «свята места», которое предполагалось очистить, то об этом завуалированно сказано в словах: рассматривали сущность человека как нечто неизмен-

ное, подчиненное общим законам природы. Звучит-то вовсе не пугающе и даже рождает чувство некой справедливости сказанного. Но разберемся.

«Антропологический принцип занимает центральное место в учении Фейербаха, являясь средством восстановления материализма, преодоления идеалистического отрыва человека от природы и борьбы против религиозной идеологии. <...>

Русские революционные демократы использовали антропологический принцип для борьбы с религиозно-идеалистическим противопоставлением души телу.

По Чернышевскому, антропологический принцип – конкретная форма защиты материализма, обоснование необходимости установления строя, соответствующего природе человека».

Вот теперь все становится гораздо понятнее. Религия, то есть враг, исходил из того, что мир создан Богом, и Бог и определил его устройство. Чтобы победить Церковь, надо сбросить с Небес Бога, а для этого надо взять за основу, за ту самую точку опоры, которая позволит перевернуть мир, нечто полностью противоположное Богу. Помните, Бог создал человека из праха земного? А потом вдунул в него душу, чем и сделал подобным себе. Иначе говоря, тело человека – это вещество, материя, оно настолько противный полюс для божественности, что дальше уже некуда. Вот его и возьмем за основу всех своих построений и развернем от него новый образ мира. А потом и перестроим мир в соответствии этой «природе» человека.

Почему этой? Почему не той? Почему не построить мир для души? Почему, почему?! По кочану! Война идет.

Материализм, возможно, очень и очень верно видит действительность. Но вот не видеть предвзятость и постоянную подгонку всех рассуждений материалистами под свои цели невозможно. Не хочу этим сказать, что идеализм лучше. Кто из них лучше, меня не интересует. Мне есть дело до души, а душа оказалась в этой схватке крайней, ее выбивали в нашем лесу, чтобы не было питательной среды для Богов. И то, что это запустил в работу Чернышевский, сами марксисты не сомневались. Следующее свидетельство я беру из издания, подготовленного при ЦК КПСС:

«В работе “Антропологический принцип в философии” и других произведениях Чернышевский доказывал, что объективно существует только природа и что поэтому “основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе”.

Подрывая христианское учение о бессмертной душе человека, Чернышевский писал: “Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно...”» (Володин, с. 15).

Подрывая учение о бессмертной душе человека!.. Задача-то, пожалуй, бесовская, если не сказать жестче. И ведь была подхвачена всей научной молодежью той эпохи. Каково, хотел бы я знать, им сейчас?

Впрочем, это за рамками моего исследования. Что же касается травли души, то следующая работа вышла через три года в том же «Современнике». Это были «Рефлексы головного мозга» Сеченова.

Глава 4. Кому и как резать душу? Сеченов

В 1862 году Чернышевский был арестован за свою деятельность по разрушению России, а в 1864 подвергнут унижительной гражданской казни и сослан на каторгу. Но уже в 1863 ему на смену вышел новый боец, подхвативший выпавшее из рук титана демократии знамя борьбы против души. Это был **Иван Михайлович Сеченов** (1825–1905).

И вышел он, ни много, ни мало, – с идеей построения психологии без психологов. К счастью, как признавали его наследники-марксисты, «выдвинутый Сеченовым план построения психологии как объективной науки остался незавершенным из-за узости, ограниченности антропологического принципа, на котором он базировался; объяснения Сеченова не простирались далее локомоции, тогда как истинно человеческую форму взаимодействия живых систем с природой образует трудовая деятельность» (ФЭ, т. 4).

Ну, признайтесь, что вы наслаждаетесь простонаучным языком! Ведь скольких пядей поэтического таланта надо иметь во лбу, чтобы создать такой шедевр! Объяснения Сеченова не простирались далее локомоции, тогда как истинно человеческую форму взаимодействия живых систем с природой образует трудовая деятельность...

При всей изошренности моего ума, поднаторевшего разгадывать научные загадки, я не могу быть уверен, идет ли здесь речь о человеке. Какой талант!

Вот с локомоцией все проще – ее можно посмотреть в словаре иностранных слов. Но это тоже песня: совокупность согласованных движений, с помощью которых животные и человек активно перемещаются в пространстве; разновидностями локомоции являются ходьба, полет, плавание и др.

Короче, Сеченов делал настоящую науку, раз ему написали такие высоконаучные эпиграфы. Но при этом даже его последователи признают, что ошибался он именно в том, что пытался объяснить свою психологию через движения. Так и хочется сказать: несколько ошибался... совсем не так! Означает это, что ошибался он с треском и грубо, потому что вся его психология как раз и строилась на этой самой локомоции и ничем другим штурм души им не подкреплялся. И тем не менее, этого хватило, чтобы собрать шайку шпаны и разбойников от науки и к 1920 году вырезать в России все инакомыслие вместе с понятием о душе. Сначала вырезать, а потом забыть и признать: теория, исходя из которой мы резали, была неверна!

Как бы там ни было, но две работы Сеченова, с которых и началась физиологическая резня душ, стоит разобрать подробно, потому что они до сих пор составляют основу простонаучного понимания психики психологами.

Первая из них «**Рефлексы головного мозга**», опубликована, как я уже говорил, в «Современнике» в 1863 году. Я работаю с ней по изданию 1908 года. Здесь она открывает том так, что на правом развороте листа находится начало статьи, а на левом портрет Сеченова в возрасте лет тридцати. Классический портрет ученого-разночинца той поры. Тщедушное тело, некрасивое до отвращения лицо, тонкая шея, торчащая из узкого белого воротничка, жидкая татарская борода. Полное впечатление, что смотришь на постер или афишу какого-нибудь современного поп-урода, который хочет привлечь молодежную публику на свои концерты тем, что покажет им, как доводить до удара своих родителей, демонстрируя свою отвратность. Не достает только оскала и руки, вцепившейся в выпяченную промежность. Он явно был тогда образцом и для внешнего подражания научной молодежи – так отвратительно выглядит.

Нет, конечно, мое описание портрета предвзято, если сличать его только с фотографией. Но я сличаю с тем, что написано в работе, а это вы сумеете оценить сами. Однако, задача эпатировать читателей, то есть приводить их в смущение и замешательство, – это, безусловно, действенный сценический и ораторский прием. В сущности, он всегда имеет целью улучшить души людей. Так что я вовсе не случайно считаю Сеченова охотником за душами. И надо при-

знать, он был одарен не только в естественных науках, но и в чародействе или искусстве воздействия на толпу. Прежде чем разбирать его взгляды на собственно психологию, приглядимся к тому, что он делает.

Статья, правда, сразу начинается с главного, а именно с вопроса о душе. Вопрос этот ставится, а дальше автор как бы отходит в сторонку, предоставляя объективным свидетельствам фактов и разума самим подвести читателя к нужному выводу. Но как отходит! Какой актер пропадает! Какие средства воздействия используются! Только представьте: вот так начинается статья с названием «Рефлексы головного мозга»!

«Вам, конечно, случилось, любезный читатель, присутствовать при спорах о сущности души и ее зависимости от тела.

Спорят обыкновенно или молодой человек со стариком, если оба натуралисты, или юность с юностью, если один занимается больше материей, другой духом. Во всяком случае, спор выходит истинно жарким лишь тогда, когда бойцы немного дилетанты в спорном вопросе. В этом случае кто-нибудь из них наверное мастер обобщать вещи необобщимые (ведь это главный характер дилетанта), и тогда слушающая публика угощается обыкновенно спектаклем вроде летних фейерверков на петербургских островах. Громкие фразы, широкие взгляды, светлые мысли трещат и сыплются, что твои ракеты. У иного из слушателей, молодого, робкого энтузиаста, во время спора не раз пробежит мороз по коже; другой слушает, притаив дыхание; третий сидит весь в поту.

Но вот спектакль кончается. К небу летят страшные столбы огня, лопаются, гаснут... на душе остается лишь смутное воспоминание о светлых призраках. Такова обыкновенно судьба всех частных споров между дилетантами» (Сеченов. Рефлексы, с. 1).

Так и ожидается что-то вроде: но вот спектакль кончается, и на сцену выходит мастер церемоний, скромный труженик науки, который один здесь чего-то стоит, потому что в отличие от всех болтунов делает дело и управляет всей этой механикой. Кстати, что такое дилетанты, которыми нас так ловко несколько раз смазали по морде? Я скажу. На блатную феню это слово переводится как «лох». А на язык комсы, то есть компьютерной попсы, популяции компьютерных хомо, оно же переводится либо как «чайник», либо как «ламер». То есть простой человек. В общем, тот же дурак, недоумок, но с научной точки зрения. Естественно, в противоположность крутому парню – физиологу, хакеру, вору или любому другому жулику.

А что делают с чайниками и лохами, вы, надеюсь, знаете? Их всячески «нагревают», то есть обманывают и наживаются на простоте. На то и чайник, чтобы его нагревать, а на нем греть руки. Вот, похоже, та цель, которая достигается таким шумным и искрометным выходом на полунаучную-полубандитскую сцену журнала «Современник». Не забывайте, вся его редакция постоянно была в связи с подпольными революционными организациями, включая и террористов. Да ведь и Чернышевский – каторжанин, бандит, преступник. Да и Сеченов чуть дальше откровенно признается, что использует отнюдь не прямые пути в достижении своих целей.

Охаяв своих противников, как лохов, чайников и дилетантов, а на самом деле намекнув читателям, что они окажутся этими дилетантами, если не поймут, за кем надо идти, оратор-физиолог продолжает, заранее выставляя своих противников полными пустышками, внедрять новое мировоззрение:

«Они волнуют на время воображение слушателей, но никого не убеждают. Дело другого рода, если вкус к этой диалектической гимнастике распространяется в обществе. Там боец с некоторым авторитетом легко делается кумиром. Его мнения возводятся в догму, и, смотришь, они уже проскользнули в литературу. Всякий, следящий лет десяток за умственными движениями в России, бывал, конечно, свидетелем таких примеров, и всякий заметил, без сомнения, что в делах этого рода наше общество отличается большой подвижностью» (Там же).

Зная противников Сеченова той поры, я даже не могу представить, к кому бы эти слова могли относиться, кроме него самого. Кавелин, Юркевич, Самарин – это все чрезвычайно

достойные люди, про которых уж никак нельзя было сказать, что они пройдохи и жулики. Единственный, кто в точности прошел по жизни этим путем тогда, был сам Сеченов. Да, разве что, кто-то из редакторов «Современника». Но если Сеченов описывает такой способ вхождения в умы русского общества, то не иначе, как затем, чтобы отвести глаза от себя самого. Мне кажется, это как раз тот случай, когда на воре горит шапка. Да и последующий переход, прямо надо сказать, внезапный до желания встряхнуть головой, показывает, что Сеченов как раз и хочет возглавить эту подвижную часть общества, которую вроде бы осуждает.

«Есть люди, которым последнее свойство нашего общества сильно не нравится. В этих колебаниях общественного мнения они видят обыкновенно хаотическое брожение неустановившейся мысли; их пугает неизвестность того, что может дать такое брожение; наконец, по их мнению, общество отвлекается от дела, гоняясь за призраками.

Господа эти со своей точки зрения, конечно, правы. Было бы без сомнения лучше, если бы общество оставалось всегда скромным, тихим, благопристойным, шло неуклонно к непосредственно достигаемым и полезным целям и не сбивалось бы с прямой дороги.

К сожалению, в жизни, как в науке, всякая почти цель достигается окольными путями, и прямая дорога к ней делается ясною для ума лишь тогда, когда цель уже достигнута» (Там же, с. 2).

А далее внезапный, неуловимый, пугающий, точно оборотень, боец, творящий себя кумиром, чьи мнения возводятся в догму, Сеченов вдруг делает резкий выпад в сторону уже ошеломленной публики: ты записался добровольцем?! И многие растерянно отвечают: извините, я сейчас...

«Господа эти забывают, кроме того, что бывали случаи, когда из положительно дикого брожения умов выходила со временем истина. Пусть они вспомнят, например, к чему привела человечество средневековая мысль, лежавшая в основе алхимии.

Страшно подумать, что случилось бы с этим человечеством, если бы строгим средневековым опекунам общественной мысли удалось пережечь и перетопить, как колдунов, как вредных членов общества, всех этих страстных тружеников над безобразною мыслью, которые бессознательно строили химию и медицину.

Да, кому дорога истина вообще, то есть не только в настоящем, но и в будущем, тот не станет нагло ругаться над мыслью, проникшей в общество, какой бы странной она ему ни казалась.

Имея в виду этих бескорыстных искателей будущих истин, я решаюсь пустить в общество несколько мыслей относительно психической деятельности головного мозга, мыслей, которые еще никогда не были высказаны в физиологической литературе по этому предмету» (Там же).

Всё, вербовка бескорыстных искателей будущих истин произведена, и их оказалось вполне достаточно для большой резни, затопившей кровью шестую часть Земли. Дальше начинается тот самый «спор о сущности души», который ведется недилетантом и строится на локомотивах. Но прежде чем перейти к его изложению, еще один пример улучшения душ, постоянно используемый Сеченовым.

Вы уже и в приведенном отрывке могли заметить, что он пугает, причем, пугает вселенскими ужасами. Но это один полюс запугивания – вселение в сознание образов, способных поразить воображение своим величием. Другой полюс – это хватание себя за промежность, и вообще совершение всего, что сейчас делается на эстраде, когда работают под «я у мамы дурочка» или «а уродов не заказывали?!» Так вот, черты нарисованного мною портрета кумира всех молодых уродов я извлекал из ткани его повествования. Прочитайте один из таких кусков. Даже сейчас он воспринимается с некоторым отвращением, а в то время иначе как желанием поразить публику и вызвать у старшего поколения отвращение, их объяснить было нельзя.

При этом Сеченов явно любит себя, когда пишет эти физиологические вставки. А значит, знает, какое воздействие производит ими на простые души русских людей. Знает и

то, что охамелой молодежи нравится, как он унижает и побеждает старших, а значит, они чувствуют в этом приеме силу и обязательно его подберут. А потом и применяют, так что всей матушке России мало не покажется.

«Чистые рефлексы, или отраженные движения, всего лучше наблюдать на обезглавленных животных и преимущественно на лягушке, потому что у этого животного спинной мозг, нервы и мышцы живут очень долго после обезглавливания.

Отрежьте лягушке голову и бросьте ее на стол. В первые секунды она как бы парализована; но не более как через минуту вы видите, что животное оправилось и село на стол в ту позу, которую оно обыкновенно принимает на суше, если спокойно... Щипните посильнее, и она, пожалуй, сделает прыжок, как бы стараясь убежать от боли» (Там же, с. 5–6).

Да, физиологи парни бравые, крови не боятся и состраданием к живому не болеют. Как революционеры. Вот портрет дедушки Сеченова, написанный его собственными слегка окровавленными руками. И это отнюдь не портрет беззаветного труженика науки. Боюсь, что Сеченов был самым настоящим политическим авантюристом, проходимцем, сумевшим захватить умы своих современников и внесшим в них большую смуту. Да малое ли дело лишить целые поколения людей души?!

Впрочем, как раз сами-то доказательства отсутствия, а точнее, полной ненужности души для научной деятельности не так уж велики и важны после того, как общественное мнение было обработано с точки зрения общественной психологии. Иными словами, какое значение имела слабость доказательств или даже их явная глупость после того, как люди почувствовали, какую силу они обретают, если создают страшное для всех сообщество?! В конце концов, им гораздо проще заявить: верую, ибо абсурдно, – чем отказаться от той силы, что дарил им рождающийся естественнонаучный Бог.

Я приведу исходное рассуждение Сеченова полностью. Суть его дика, с точки зрения разумного рассуждения: раз я могу наблюдать душу только по внешним проявлениям, то внутреннего ничего и нет! Даже марксистские идеологи, как вы помните, отводили глаза, когда им задавали вопрос об этих доказательствах отсутствия души.

«Психическая деятельность человека выражается, как известно, внешними признаками, и обыкновенно все люди, и простые, и ученые, и натуралисты, и люди, занимающиеся духом, судят о первой по последним, то есть по внешним признакам. А между тем законы внешних проявлений психической деятельности еще крайне мало разработаны, даже физиологами, на которых, как увидим далее, лежит эта обязанность. Об этих-то законах я и хочу вести речь.

Войдемте же, любезный читатель, в тот мир явлений, который рождается из деятельности головного мозга. Говорят обыкновенно, что этот мир охватывает собою всю психическую жизнь, и вряд ли есть уже теперь люди, которые с большими или меньшими оговорками не принимали бы этой мысли за истину. Разница в воззрениях школ на предмет лишь та, что одни, принимая мозг за орган души, отделяют по сущности последнюю от первого; другие же говорят, что душа по своей сущности есть продукт деятельности мозга.

Мы не философы и в критику этих различий входить не будем. Для нас, как для физиологов, достаточно и того, что мозг есть орган души, то есть такой механизм, который будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность.

Всякий знает, как громаден мир этих явлений. В нем заключено все то бесконечное разнообразие движений и звуков, на которые способен человек вообще. И всю эту массу фактов нужно обнять, ничего не упустить из виду? Конечно, потому что без этого условия изучение внешних проявлений психической деятельности было бы пустой тратой времени. Задача кажется на первый взгляд действительно невозможной, а на деле не так, и вот почему:

Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению» (Там же, с. 2–3).

Утверждение это действительно вначале поражает своей простотой и очевидностью – у нас, похоже, и в самом деле нет другой возможности выразить то, что мы хотим выразить, как передав это с помощью каких-то движений, включая речь или письмо. Потом, конечно, начинаешь задумываться, и обнаруживаешь какие-то несоответствия этому в своей жизни. Но они такие мелкие, малозаметные и трудновыразимые, что никак не могут быть доказательствами в споре с царицей наук о человеке. Тем более, что она добилась, чтобы психологи сами лишили права голоса ту часть психологии, которая могла бы изучать подобные тонкие душевные движения, – самонаблюдение или интроспекцию. А заодно и всю субъективную психологию.

Но жизнь настолько сложна, что место сомнениям все равно остается. И вот анекдот: первое такое сомнение на свое утверждение помещает сам Сеченов. Он выделяет особым шрифтом вывод:

«Итак, все внешние проявления мозговой деятельности действительно могут быть сведены на мышечное движение» (Там же, с. 4).

А в сноске к этому выводу приписывает:

«Единственные относящиеся сюда явления, которые не могли быть объяснены до сих пор мышечным движением, суть те изменения глаза, которые характеризуются словами: блеск, томность и проч.» (Там же).

Иными словами, выпадают из общей теории, по которой мозг полностью и целиком воплощает в своей деятельности все, что обычно считалось душевной деятельностью, как раз те глаза, про которые народ говорит, что они окна или зеркала души.

Лично от себя я бы мог сказать, что это далеко не единственные явления, выпадающие из-под действия Сеченовской и всех прочих рефлексологий. Но об этом я буду говорить в особом месте. Пока же достаточно и такого сомнения, чтобы не попадаться под воздействие очевидности высказанного физиологом предположения.

Его же рассуждение развивается дальше очень просто:

«Теперь, когда читатель вероятно согласился со мной, что деятельность эта выражается извне всегда мышечным движением, задача наша будет состоять в определении путей, которыми развиваются из головного мозга мышечные движения вообще» (Там же, с. 5).

А дальше начинаются те самые отвратительные игры с резанием лягушек, которые призваны методично, пример за примером, движение за движением доказать, что мозг – машина, а все движения – рефлексы. Иначе говоря, рождаются не внутри и не за мозгом, а как раз по эту сторону, из ощущений или раздражителей и являются всего лишь ответными реакциями на воздействия на тело окружающей среды.

В сущности, каждый новый эксперимент с отсечением кусочка живой плоти оказывается отрезанием еще одного куса души. Во всяком случае, именно эта задача – зарезать душу до ее полного исчезновения на глазах у людей, и греет Сеченова в его трудовом угаре. Он режет, режет и режет ее более сотни печатных страниц всего лишь затем, чтобы завершить свой тяжкий труд тремя кровавыми строчками:

«Пусть говорят теперь, что без внешнего чувственного раздражения возможна хоть на миг психическая деятельность и ее выражение – мышечное движение» (Там же, с. 114).

Шуму эта подлая работа наделала такого, что боец наш легко проскользнул в литературу и стал кумиром русской молодежи. Это уверило его в собственной непогрешимости, и в 1873 году он публикует в ответ на работу Константина Дмитриевича Кавелина «Задачи психологии» новую шумную петарду из своего физиологического фейерверка: **«Кому и как разрабатывать психологию»**.

Начиналась она с оглавления к первой главе, в котором однозначно заявлялось: «Таким образом, оказывается, что психологом-аналитиком может быть только физиолог» (Там же, с. 135).

Если исходить из того, что анализ – это разложение или расчленение, то, наверное, он был по-своему прав. С какой стати человек, изучающий душу, будет резать ее на куски?! Именно это и не принимал в подходе Сеченова Кавелин.

Но что имел в виду сам Сеченов, требуя передать психологию в руки физиологов? Думаю, для понимания его мысли вполне достаточно последнего абзаца работы.

«Действия наши управляются не призраками вроде разнообразных форм Я, а мыслью и чувством. Между ними у нормального человека всегда полнейшая параллельность: внушен, например, поступок моральным чувством – его называют благородным; лежит в основе его эгоизм – поступок выходит расчетливым; продиктован он животным инстинктом – на поступке грязь. Даже у сумасшедших между этими членами цельных актов есть соответствие.

В этом-то смысле сознательно-разумную деятельность людей и можно приравнять двигательной стороне нервных процессов низшего порядка, в которых средний член акта, чувствование, является регулятором движения в деле доставления последним той или другой пользы телу» (Там же, с. 224).

Всю эту заумь о чувствованиях и грязи на поступках, кажется, не понял никто. Но зато нашлось очень много людей, которые поняли, что в двигательной стороне нервных процессов низшего порядка скрывается огромная сила. Сила, способная перевернуть мир. И они устремились в погоню за этой силой, временами отстреливая попутно подворачивающиеся души, а иногда и просто отмахиваясь от них, как от тех самых призраков, в которых верят только примитивные народы и всяческие дилетанты.

Глава 5. Эмпирическая «Психология без души» Николая Ланге

Историки психологии однозначно считают **Николая Николаевича Ланге** (1858–1921) продолжателем дела Сеченова в психологии. Тут надо оговориться – у Сеченова были и другие продолжатели, но в физиологии и медицине. Ярошевский в «Истории психологии» пишет о том, как развивались лабораторные исследования психофизиологии человека:

«В ряде русских лабораторий научное понимание психики ассоциировалось с именем Сеченова, с его учением о рефлекторной природе психики. Таких же взглядов придерживались В. М. Бехтерев, С. С. Корсаков, А. А. Токарский – первые энтузиасты экспериментальной психологии в России» (Ярошевский. История психологии, с. 249).

Но тот же Ярошевский, издавая избранные работы Ланге, именно его видит продолжателем дела Сеченова и связующим звеном между Сеченовым и школой Выготского. То есть школой, которую действительно можно считать психологической, по сравнению со странными учениями Бехтерева или Корсакова. О том, как Ярошевский выводит эту связь Ланге с Сеченовым, стоит рассказать подробнее.

Рассказав о битве за антропологический принцип, то есть за начало борьбы русских революционеров и демократов против религии и за переворот общества, Ярошевский не говорит прямо, что это шла борьба за очищение психологии от души. Но это вполне прозрачно читается, как читается и прогрессорство – тяга насильно делать человеку лучше не так, как он хочет, а как я это себе представляю:

«Весь пафос русских приверженцев антропологического принципа определялся жаждой преобразования вчерашних крепостных (как их называли – “простолюдинов”) в свободных людей. Перед нами основная коллизия философских исканий той эпохи – споров о детерминизме и свободе, об отношении между телесным (стоящим под законами природы) и духовным, устремленным к высшим нравственным ценностям.

Этими глубоко укорененными в своеобразии культурной жизни пореформенной России философскими, мировоззренческими спорами были озарены и вдохновлены проекты разработки новой психологии. В качестве сферы научного знания она не могла быть иной, как верной формуле “нет действия без причины”, то есть детерминистской. В качестве исследующей сознательно-волевую активность человека она была призвана объяснить, не отступая от указанной формулы, нравственную обусловленность этой активности, уникальность человеческих деяний.

Первым принял на себя это историческое задание Сеченов, вторым – Ланге» (Ярошевский. Творческий путь, с. 7).

Я не хочу излишне вдаваться в историю или биографию Ланге. Мне нужно лишь вытащить на свет его понятие о душе. Поэтому, чтобы представление о Ланге стало цельным и, кстати, соответствующим тому, как его видят в наших университетах, еще пара выдержек из Ярошевского, которые расставят точки над *i*.

«В трудные для русской культуры 80-е годы, когда, по слову Блока, “в сердцах царили мрак и мгла, Победоносцев над Россией простер совиные крыла. И не было ни дня, ни ночи, но только тень огромных крыл”, Ланге вопреки официальным религиозно-идеалистическим представлениям, отстаивал, опираясь на данные экспериментальной психологии, целостную монистическую картину миропорядка, включая высшую духовную активность человека» (Там же, с. 11).

В переводе с простонаучного языка это означает, что этот луч света в темном царстве в 80-е годы девятнадцатого века делал все, чтобы уничтожить понятие о душе даже в отношении того, что считалось высшей духовной активностью человека. На что он хотел ее заменить?

«Исходным для Ланге служил особый методологический подход, который лишь внешне напоминал “атомарный” способ анализа, принятый ориентированной на естествознание психологией. Он искал, как это явствовало уже из заголовка его статьи, элементы воли, то есть ту “клеточку”, из которой развивается все разветвленное древо психической жизни, включая ее “крону” – высшие формы произвольного действия. Перед ним был замечательный пример в виде периодической системы Д. И. Менделеева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.